

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

REVUE D'HISTOIRE ANCIENNE

4 (5)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ☆ 1938

МОНЕТЫ ШАХОВ ДРЕВНЕГО ХОРЕЗМА И ДРЕВНЕХОРЕЗМИЙСКИЙ АЛФАВИТ

С. П. Толстов

I

В нашей обзорной статье в № 1 (2) «Вестника древней истории» за текущий год¹ мы дали небольшой экскурс, посвященный самой суммарной характеристике коллекции древнехорезмийских монет, собранной Хорезмийской экспедицией МОГАИМК (ныне Московское отделение ИИМК Академии наук СССР). Там же мы дали первый опыт определения и дешифровки знаков хорезмийского алфавита, обнаруженных на этих монетах. В предлагаемой вниманию читателя статье мы попытаемся подвести предварительные итоги обработки этой коллекции монет, полная публикация которой намечается в подготавливаемом ИИМК к печати «Хорезмийском сборнике».

Благодаря привлечению и обработке новых материалов из состава ранее поступивших в музейные собрания монет этого типа, остававшихся до сих пор неопределенными, мы имеем возможность во многом подвергнуть пересмотру и уточнению те заключения, к которым мы пришли в цитированной выше статье. Однако мы подчеркиваем еще раз предварительный характер настоящей публикации—осторожность, понятная для всякого, знакомого с работой над малоизвестными нумизматическими сериями.

Известно, насколько трудной задачей является чтение монетных легенд новооткрытого типа даже в тех случаях, когда известен алфавит и язык этих легенд. Поскольку здесь мы имеем дело с новым алфавитом—хотя и восходящим к арамейскому прототипу—и поскольку хорезмийский язык, да и то в записях XIV столетия, становится нам известным лишь сейчас, благодаря работам А. А. Фреймана, и публикация памятников этого языка еще не осуществлена, становится понятным, насколько сложна та задача, которая сейчас стоит перед нами.

Несомненно, лишь открытие более значительных по объему памятников древнехорезмийской письменности даст возможность сделать окончательные заключения по поводу чтения отдельных знаков хорезмийского алфавита, окончательно подтвердить, уточнить или опровергнуть предлагаемые ниже опыты интерпретации исследуемых памятников. Столь же несомненно, что лишь коллективная работа палеографов, лингвистов

¹ С. П. Толстов—Основные вопросы древней истории Средней Азии, ВДИ, № 1(2), 1938, стр. 190—191.

и историков даст возможность прийти в этом вопросе к окончательным выводам.

Однако нам думается, что хотя бы для того, чтобы наметить отправную точку для этой коллективной работы—предлагаемые опыты чтения древнехорезмийских легенд будут бесполезны¹.

II

В 1850 г. в I томе собрания сочинений Н.К.Е. Köhler'a была опубликована свинцовая (?) монета «неизвестного царя» из собрания одного коллекционера в Петербурге:

На лицевой стороне эта монета имела «бюст царя с большой бородой и длинной шевелюрой, повернутый вправо; тиара, увенчанная головой орла». На реверсе—надпись, которую Келер передал как: ΣΓΕΥΕΥΑΖΥΛΩΙΩΓΙ и «фигура царя на коне, идущем слева направо»².

Эта публикация долго оставалась одинокой. Лишь через 20 лет, в 1870 г. в «Numismatics Chronicle» вышла статья Edw. Thomas'a «Индо-парфянские монеты»³, в которой было опубликовано и исследовано пять, хотя и отличных от опубликованной Келером, но, несомненно, принадлежащих к той же группе монет.

Как и в первом случае, эти монеты происходили из России, и репродукции их были присланы Томасу на определение нашим выдающимся ориенталистом и нумизматом В. Тизенгаузенем.

Четыре из этих монет были найдены «в маленькой бронзовой вазе в Пермской губернии»⁴.

Опубликованные Томасом монеты имеют по сравнению с монетами Келера другого характера надпись. Отличен и головной убор. Лицо царя безбородо. Но на реверсе мы найдем ту же фигуру всадника вправо, хотя и несколько иначе трактованную, и, что самое главное, в поле реверса, влево от всадника, расположена тамга , тождественная той, которая налицо на том же месте на монете Келера⁵.

Пятая монета в публикации Томаса оказалась отличной по типу реверса.

В центре его, вместо всадника, был тамгообразный знак в виде трезубца или трехсвечника, поставленного на горизонтальную черту.

¹ Считаю своим долгом принести искреннюю благодарность товарищам, которые своими советами, указаниями и критикой оказали нам исключительную помощь в работе по анализу и дешифровке монет нашей серии—акад. И. А. Орбели, проф. А. А. Фрейману, С. Е. Малову, А. Н. Зографу, А. А. Быкову, Е. В. Веймарну, С. Л. Волину и всем товарищам, выступавшим на наших предварительных сообщениях и докладах на данную тему.

² Н. К. Е. Köhler's Gesammelte Schriften. Im Auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, herausgegeben von Ludolf Stephani. Bd. I, «Serapis», Theil I, St. Petersburg, 1850, S. 1, Tab. II, № 1. В транскрипции надписи, как мы увидим ниже, Келер попытался видеть искаженные греческие буквы не только в греческой части легенды, но и в хорезмийской, и плохо воспроизведенную тамгу царя принял за несколько знаков надписи.

³ E. Thomas—Indo-Parthian Coins, NC, 1870, New Series, vol. X, p. 139—163. См. также JRAS, vol. IV, New Series, 1870, p. 503—531, и E. Thomas—Records of the Gupta Dynasty, London, 1876, p. 39—43.

⁴ В настоящее время все пять монет находятся в Гос. Эрмитаже.

⁵ Мы уже отметили, что последний не заметил этой тамги, приняв ее за несколько знаков надписи.

Томас впервые определил арамейское происхождение знаков алфавита этих монет и сделал первую попытку их чтения. В надписи

10 9 8 7 6 5 4 3 2 1

он в первых четырех знаках видел MRK¹, считая 1-й и 4-й знаки различными и видя здесь известную арамейскую идеограмму MLK² «царь», заменявшую в древнеиранских текстах местный царский титул. В заключительных знаках надписи он видел знаки алфавита, отличного от шрифта первых четырех букв, и пытался, сближая их с пехлеви, читать их, как Shahah или Shemach¹.

На оборотной стороне одной из монет над крупом коня была обнаружена отличная по характеру надпись, которая по словам Томаса, в Петербурге, повидимому, Тизенгаузен, была прочитана, как арабский термин فضل — «excellence, wisdom». Это чтение Томас ставит под сомнение, считая более вероятным видеть здесь курсивную надпись на том же, напоминающем пехлеви, алфавите, который представлен в надписи против лица царя на лицевой стороне той же монеты².

Формальный анализ этих монет, произведенный Томасом, привел к выводу, что эти монеты, характер изображений на которых ближе всего напоминает индийскую иконографию, чеканились индо-парфянскими царями.

Тринадцать лет спустя, в 1883 г., Томас вновь вернулся к этой группе монет³. В своей новой статье «О парфянских и индо-сасанидских монетах» он опубликовал репродукцию серебряной монеты из собрания Эрмитажа, полученную им, как и в первом случае, от Тизенгаузена.

По характеру изображений эта монета оказалась тождественной с монетой, опубликованной Келером. Тизенгаузен в письме, опубликованном Томасом, обратил внимание на сходство этой монеты с «индо-парфянскими» монетами Томаса и, вместе с тем, отметил характерную аналогию между этими монетами и вызвавшей большую дискуссию группой среднеазиатских эллинистических монет,—так наз. «монет Герая», как установлено, чеканенных в I в. до н. э. одним из кушанских правителей Северной Бактрии⁴.

Это—характерный ободок из продолговатых ромбовидных бус, отделенных друг от друга парными поперечными черточками.

Томас отметил, с одной стороны, сходство «орлиной короны» с головным убором, введенным Шапуром I (124—272)⁵. Остальные признаки—«хаотические следы» греческих букв, характер реверса и др. привели Томаса к выводу о близости этой монеты к монетам «бактрийской группы Азеса».

Надпись на реверсе Томас интерпретирует иначе, чем Келер: он видит здесь незамеченную Келером тамгу, греческие буквы видит лишь в верхней части надписи, читая их «AZVΛOC—Azilisas?» (имя одного из индо-

¹ «Records of the Gupta Dynasty», p. 39.

² NC, 1870, p. 143.

³ E d w. T h o m a s—Parthian and Indo-sassanian Coins. JRAS, 1883, стр. 73, рис. № 3.

⁴ А. Н. Зограф—Монеты Герая. Ташкент, 1937.

⁵ NC, vol. XV, Old Series, p. 180, табл. 3; vol. XII, New Series, табл. III, рис. 3. Ср. И. И. Толстой и Кондаков—Русские древности, III, 1890, стр. 12, рис. 5.

сакских царей I в. до н. э.). В надписи под ногами коня он видит арамейские знаки и пытается читать MLK'—«царь».

Через 9 лет этой группой монет занялся наш известный нумизмат А. К. Марков¹. Им были опубликованы три монеты этой группы—две из собрания Гос. Эрмитажа, поступившие из коллекции Гранта в Бомбее, и одна—из коллекции А. В. Комарова. Две из этих монет—серебряные драхмы, довольно близкие к опубликованным Томасом в 1870 г., но лучшей сохранности и с несколько отличной легендой. Третья—медная, с тем же типом реверса, но с изображением на лицевой стороне царя в зубчатой короне, правильно сопоставленной Марковым с короной сасанида Варахрана V (420—438).

Марков отвергает предложенное Томасом определение этих монет, как индо-парфянских, но, отмечая наличие признаков, связывающих эти монеты, с одной стороны, с индийской, с другой—с сасанидской нумизматикой, и подчеркивая сходство проходящей через большую часть монет тамги с тамгой кушанских царей, особенно Хувишки, пытается видеть в них монеты последних представителей кушанской династии (как он предпочитает говорить—«династии Турушка»).

Следующая попытка дать новое определение этим монетам принадлежит известному французскому ориенталисту-нумизмату Э. Друэну и изложена в его рецензии на цитированную выше работу Маркова².

Он дает такую характеристику этих монет, как бы суммирующую все, что можно было извлечь из их формального анализа, не зная их происхождения:

«По типу реверса—царь на коне,—напоминающему монеты Азеса, Сотера Мегаса, Азилиса, по монограмме, сближающейся с монограммой Хувишки, по царскому бюсту, эти монеты представляют смешение всех эпох и стран. Неизвестно, причислять ли их к монетам аршакидов, индо-парфян, сасанидов Индии или правителей Туркестана. Легенда арамейским шрифтом, который, повидимому, является видоизменением халдео-пехлеви V в., может, когда она будет дешифрована, нам указать на национальность и эпоху этих странных монет. Во всяком случае, я не думаю, что они принадлежат к серии Турушка; я думаю, что они гораздо более поздние и что они были чеканены в Согдиане по типу монет Бахрама-Гура. Рисунок, который г. Марков дает на стр. 35 и который представляет медную монету из коллекции Комарова, имея тот же реверс и ту же легенду, показывает, что есть связь между нашими серебряными монетами и согдийскими монетами, обращавшимися позднее в Бухаре³. Они могли быть чеканены эфталитами до их изгнания из Согдианы тюрками около 555 г. н. э.»

В 90-х годах эти монеты стали предметом рассмотрения еще ряда исследователей. Rapson, опубликовавший в 1896 г. монету этого типа из собрания генерала Эббота⁴, приводит неопубликованные мнения о них

¹ А. К. Марков—Неизданные арсакидские монеты. СПб, 1892. (Отд. оттиск из ЗВОРАО, т. VI, № 32, 34, стр. 265—304. Ниже в ссылках даем пагинацию оттиска.)

² RN, 1893, p. 119—130. Об интересующих нас монетах—стр. 129—130.

³ См. об этих монетах P. L e r c h—Sur les monnaies des Boukhâr-Khoudads ou princes de Boukhara avant la conquête de Maverannah par les Arabes. Travaux de la III session du Congrès International des orientalistes, St. Petersburg, 1876, t. II, p. 419—429. E r o ж e—Монеты бухар-худатов, ЗВОРАО, XVIII, стр. 1—161.

⁴ E. J. R a p s o n—On the attribution of certain silver Coins of sassanidan fabric. NC, 1896, p. 246 f.

Кэннингэма (к которому присоединяется сам) и Генри Говорса. Согласно последнему, эти монеты были чеканены тюркскими завоевателями эфталитских владений после 555 г. Кэннингэм и Рэлсон присоединяются к мнению Друэна об эфталитском происхождении этих монет, но отодвигают их дату к более позднему времени—вероятно к VII в. н. э. и предполагают, что они могли быть чеканены в западной части эфталитских владений, где-то у Каспийского моря, где эфталиты могли сохранить свою независимость и после завоевания тюрками приоксийских владений эфталитов.

Суммируя все данные и заключения о наших монетах, имевшиеся налицо к 1937 г., мы можем отметить:

1) Большая часть известных до экспедиции 1937 г. монет происходила из пределов СССР—в том числе ряд монет, и как раз те, происхождение которых известно с точностью хотя бы до губернии, из Прикамья.

2) Эти монеты по типу реверса связываются с индо-сакскими монетами группы Герая, Азеса, Азилиса и других варварских правителей Бактрианы и бассейна Верхнего Инда I в. до н. э. и первых десятилетий нашей эры.

3) Изображения на лицевой стороне одними признаками связываются с индийской, другими—с сасанидской иконографией.

4) Единство серии подчеркивается единством (за исключением одной монеты) тамги, сближающейся с тамгою кушанов (Хувишка).

5) Монеты одного из царей этой серии выделяются из нее характером изображений царя (длиннобородый, в головном уборе в виде орла) и легендой, где, наряду с знаками арамейского происхождения, налицо «хаотические следы греческих букв» (однако тип изображения на реверсе и тамга не оставляют сомнения в принадлежности монет к этой же серии).

6) На остальных монетах легенды сходны между собой и состоят из знаков арамейского происхождения.

7) На одной из монет, опубликованных Томасом, на лицевой стороне против лица царя имеется курсивная надпись, а на реверсе, над крупом коня, знаки, которые петербургский корреспондент Томаса, повидимому, Тизенгаузен, рассматривал, как арабское слово *فضل*. Однако это чтение было отвергнуто и Томасом и Марковым.

III

Мы уже отмечали в цитированной выше статье состав нашей коллекции и обстоятельства нахождения монет. Напомним, что они были собраны сотрудником Хорезмийской экспедиции МОГАИМК А. И. Тереножкиным на развалинах древних укреплений, расположенных между столицей Каракалпакии—г. Турткулем и юго-восточными отрогами гор Султан-Уиз-Даг, в Беркут-кала, Уй-кала, Тыш-кала, Улы-Гулдурсун, Наринджан-баба, Кош-парсан, частью на самих развалинах, частью на песчаных выдувах в их ближайших окрестностях. Коллекция состоит из 150 целых монет и фрагментов. Монеты, за исключением трех серебряных фрагментов, медные. Все монеты, за исключением двух кушанских и одной, напоминающей парфянские—принадлежат к только что описанной серии, обогащая ее целым рядом новых вариантов.

Мы думаем, что приведенного достаточно, чтобы решить вопрос о происхождении этих «странных», по выражению Друэна, монет. Это происхождение может быть только хорезмийским.

О том, что в домусульманском Хорезме чеканилась монета,—нам известно из показаний Нершахи¹, согласно которому хорезмийские диргеми в VIII в. даже вытеснили в Бухаре из обращения местную монету.

До сих пор под именем «хорезмийских монет» в литературе фигурировала одна из недатированных серий монет среднеазиатского происхождения с изображением жертвенника на реверсе. Это наименование введено было Друэном, попытавшимся расклассифицировать «туранские монеты» и отнесшим предположительно эту серию к Хорезму².

Это же определение повторил недавно Allotte de la Fuye³.

Ни одной монеты этой серии Хорезмийская экспедиция 1937 г. не обнаружила, что заставляет также окончательно, и на этот раз—отрицательно, решить вопрос о хорезмийском происхождении «хорезмийских монет» Друэна.

Характерно, что заключение о хорезмийском происхождении наших монет вовсе, как оказывается, не ново. Когда 22 марта 1938 г. мы получили возможность ознакомиться с монетами этой серии, хранящимися в Гос. Эрмитаже, мы с удивлением обнаружили, что они хранятся под этикеткой «монеты царей Хорасмии с тамгой ».

По словам хранителя восточных коллекций нумизматического отдела Эрмитажа, А. А. Быкова, этикетка написана рукой Маркова, что заставляет предполагать, что в конце своей жизни он изменил взгляд на эти монеты, вероятно, руководствуясь новыми данными,—скорее всего, значительным поступлением этих монет из Хорезма. Не знаем, считал ли Марков этот вывод неокончательным или просто не успел опубликовать своего заключения, но, во всяком случае, этот факт является лишним доводом в пользу правильности нашего определения.

К полуторастам монетам нашей коллекции, путем привлечения монет Гос. Эрмитажа (40 штук, большею частью—серебряные) и Гос. Исторического музея (4 штуки, серебро), слепки с которых мы имеем в нашем распоряжении, благодаря исключительной любезности А. Н. Зографа, А. А. Быкова и Е. В. Веймарна, мы смогли прибавить значительный материал, в массе—лучшей сохранности, чем собранный экспедицией. В целом, мы располагаем сейчас серией около двухсот древнехорезмийских монет, являющейся уже достаточно солидной базой для исследования. Вся серия может быть нами подразделена прежде всего на две основных группы:

Группа АА₁α, тетрадрахмы (табл. I) с бородатым (в одном случае безбородым) изображением царя вправо; высокий рельеф изображения; на реверсе—вокруг традиционной фигуры всадника вправо—надпись, замкнутая слева тамгой . Верхняя часть надписи—греческая, нижняя—хорезмийская.

На медных монетах этой группы на реверсе—в центре та же тамга, окруженная иногда несколькими знаками хорезмийской надписи. Моне-

¹ «Description topographique et historique de Boukhara» par M. N e r c h a k h y. Texte persan publié par Ch. S c h e f e r, Paris, 1892, p. 34—36.

² E. D r o u i n—Les monnaies touraniennes, RN, 1891.

³ Allotte de la F u y e—Monnaies incertaines de la Sogdiane et des contrées voisines. RN, IV-e série, t. XXIX, 1926, p. 140 sq.

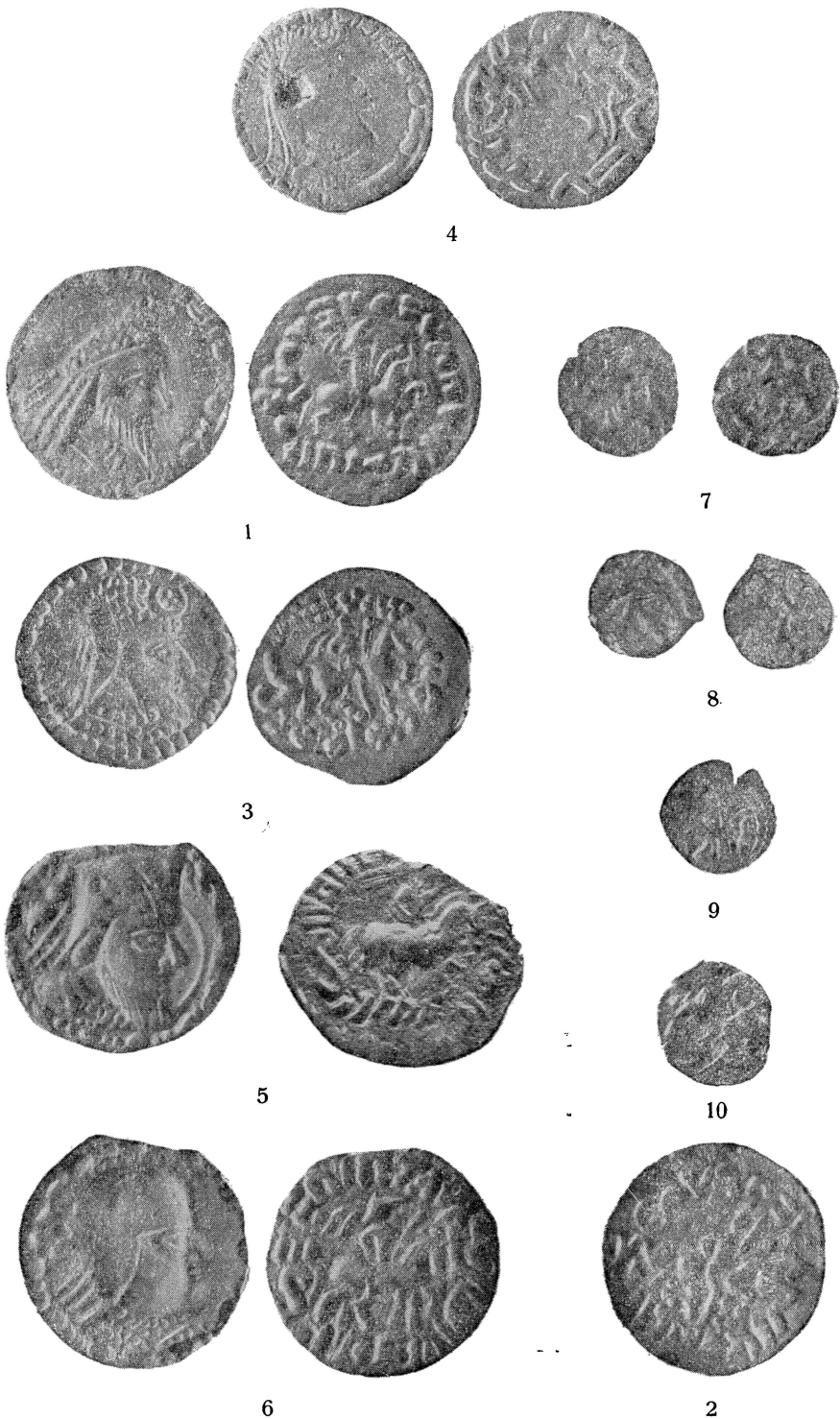

ТАБЛИЦА I. МОНЕТЫ ГРУППЫ А, А₁, α

Рис. 1, 2, 3, 4—А, серебро, Гос. Эрмитаж; рис. 7—группа А медь, Хорезм, экспедиция 1937 г.; рис. 8—группа А медь, Хорезм, экспедиция 1937 г.; рис. 5—6, группа А₁, Гос. Эрмитаж; рис. 9—10—группа α медь, Хорезм, экспедиция 1937 г.

ты—небольших размеров, но массивные. Рельеф изображений, как и на серебряных монетах, высокий (табл. I, рис. 7 и 8).

По изображениям царей здесь может быть выделено пять правителей. По легендам—выделяются четыре имени. Две монеты (табл. I, рис. 5 и 6), одна из которых имеет бородатое, другая—безбородое изображение царя,—имеют одинаковую легенду. Они объединяются также и некоторым видоизменением тамги, приобретающей здесь вид S.

Греческая надпись сильно деформирована. На наиболее поздних монетах этой серии она приобретает характер простого орнамента.

В наиболее полном виде она выглядит несколько иначе, чем ее изображал Томас $\forall \Lambda \Xi \forall \Lambda \text{E} \Lambda$

Я склонен видеть здесь сильно деформированную имитацию греческого начертания ΒΑΣΙΛΕΩΣ(Σ).

По типу реверса, по весу, фактуре, рельефу изображений, по отмеченному выше ободку из продолговатых бус—монеты этой группы, несомненно, примыкают, как уже отмечалось Тизенгаузенем, Томасом и Друэном, к сакско-бактрийской группе—к монетам Герая, Азеса, Азилиса, Сотера Мегаса, Гондафара, в свою очередь генетически связанной с греко-бактрийскими монетами Эвкратиды с изображением Диоскуров на реверсе.

Ближе всего наши монеты примыкают к монетам Герая, с которыми их связывает, помимо отмеченных выше признаков, характерный для бактрийских монет заостренный край.

Эта зависимость хорезмийской чеканки от сакско-бактрийской имеет большое культурно-историческое значение, вскрывая новую сторону культурных связей древнего Хорезма и позволяя говорить о большом значении Аму-Дарьи, как важной магистрали культурного обмена. Одновременно она позволяет поставить на новом материале вопрос о северо-западных пределах сакско-юечжийской экспансии во II—I вв. до н. э., поднимая, таким образом, большие вопросы политической истории Средней Азии в этот темный период.

Вместе с тем, близость головных уборов царя в орлиной короне—с убором Шапура I и, прибавим мы, Варахрана II (276—293) и, особенно, Гормизда II (303)¹, и сходство головного убора безбородого царя с одним из уборов Ардашира I (224—241)², вместе с тем фактом, что китайские хроника, лишь начиная с Бэй-ши, охватывающей период с 386 по 618 г., говорят о коронах и престолах среднеазиатских царей в виде птиц, животных и рыб³, заставляет предполагать, что древнейшие из монет нашей серии не восходят глубже III в. н. э., когда эти колоритные уборы получили широкое распространение в Средней Азии и Иране, сменив простые формы уборов парфянского и кушанского времени.

Однако есть основания предполагать, что наши монеты являются не наиболее ранними хорезмийскими монетами, что им предшествовали не представленные пока в нашей коллекции типы, которые заполнили бы лакуну между III столетием, когда, повидимому, значительно усилился

¹ Collection de monnaies sassanides, de feu le lieut.-général J. de Bartholomaei, publiée par B. D o r n, 2-е ed., SPB, 1875, таблицы IV, VII, также дополнит. таблица, рис. 6—11 и др.

² И. А. Орбели и К. В. Тревер—Сасанидский металл. М.—Л. 1935, табл. 1; Толстой и Ковдаков—Русские древности, III, 1890, стр. 12, рис. 4.

³ Иакинф—Собрание сведений, III, стр. 147, 160, 162, 176, 183, 186, 188, 189, 197, 201 и др.

выпуск хорезмийских монет, и началом нашей эры, к которому восходят сакско-бактрийские монеты с всадником на реверсе. Возможно, что эти монеты уже представлены в музейных собраниях, но еще не выделены в особую группу.

Мы склонны предполагать, что начало чеканки монеты в Хорезме относится к тому же раннему сакско-кушанскому периоду, может быть, к I в. до н. э. или к самому началу нашей эры. Прототипом наших монет, вероятно, являются монеты раннекушанских ябгу Хорезма, правящая

династия которого, оставившая нам монеты с тамгою , — как по данным китайских источников¹, так и по несомненной, установленной уже Марковым, связи тамги наших монет с тамгами кушанов, в частности, Хувишки, — была юечжийско-кушанского происхождения. Этим объясняется, вероятно, близость искомого прототипа наших монет с монетами одного из кушанских ябгу — Герая и монетами синхроничных царей саков.

Возможно, что объединение владений пяти кушанских ябгу под властью великих кушанов I—II вв. н. э. могло привести к временному прекращению чеканки местных хорезмийских монет, возобновившейся в III в., в период распада великокушанской державы, по древним местным образцам.

Нельзя не отметить, вместе с тем, черт сходства между монетами с тамгой нашей серии и монетами индийских эфталитов V—VI вв. В частности, на лицевой стороне монеты безбородого царя, слева, позади царя, мы имеем знак , близкий к тамге эфталитов, которая, в свою очередь, несомненно, родственна и кушанской и тамге наших монет².

Может быть, в этой связи не мешает вспомнить старую гипотезу Лерха—Веселовского³ о роли Хорезма в формировании государства эфталитов, в период, предшествующий распространению власти последних на всю Среднюю Азию и за ее пределы.

В свете этой гипотезы не совсем ошибочной может оказаться и гипотеза Друэна—Говорса—Кэннингэма—Рэпсона о происхождении наших монет.

Кроме типичных монет группы А, мы встречаемся среди собранной нами хорезмийской меди с двумя небольшими группами, несомненно, родственных ей типологически и близких хронологически монет, однако несущих ряд черт отличия.

Это, во-первых, группа А₁—миниатюрные, но массивные медные монеты, напоминающие по размерам, весу и фактуре медные монеты царя в орлиной короне, но имеющие одну сторону чистой, а на другой—тамгу, варьирующую в начертании, но, несомненно, родственную тамге :

¹ Тан-шу, гл. 221 в, стр. 1а; Иакинф—Собрание сведений, III, стр. 238.

² См. например, A. Cunningham—Later Indo-Scythians, Eptalites, or with the Huns. NC, 1894, III Series, № 53, p. 262 и на таблицах IX(VII), № 1, 6, 7, 11, 14, 15; X(VIII), № 14, 15, 16; XI(IX), № 1, 2, 6, 9 и др.

³ Н. Веселовский—Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве. СПб, 1887.

Возможно, что в этой меди мы должны искать монеты хорезмийских ябгу начала нашей эры или I в. до н. э., серебряные монеты которых, как мы писали выше, до нас не дошли.

Во-вторых—это группа α —две такого же размера медных монеты, одна из которых имеет на лицевой стороне бордатовое изображение царя вправо, в трезубой короне, напоминающей одну из корон Шапура I, а на другой—фигуру всадника вправо, очень близкую к изображениям на реверсе наших монет. На обратной стороне обе эти монеты имеют крестообразную тамгу, резко отличную от тамги группы AA_1 (табл. I, рис. 9, 10).

Монета, тождественная первой из монет нашей группы α , была в 1880 г. опубликована Тизенгаузен¹.

Наиболее вероятным мы считаем предполагать здесь монеты правителя временно обособившейся части Хорезма—может быть, Нижнего Хорезма с его древним центром—Ургенчем. Впрочем, возможно и внехорезмийское происхождение этих монет; однако, в таком случае, район их чеканки нужно искать где-то недалеко от Хорезма.

Вторая группа наших монет— $BB_1\beta$ (табл. II, III)—представлена значительно богаче. Именно к ней относятся те признаки, которые заставили Маркова и Друэна отодвигать нашу серию в сасанидское время. Серебряные драхмы более плоски, медные монеты крупнее, шире и площе монет группы $AA_1\alpha$.

На лицевой стороне мы видим изображение безбородого царя вправо (на серебряных монетах видны усы), окруженное тем же венчиком типа монет Эвкратиды и Герая. На реверсе—всадник вправо, трактованный более реалистично, чем на ранних монетах, на идущей торжественным шагом, реже—скачущей, лошади. Слева—та же тамга. Кругом—легенда, состоящая целиком из хорезмийских знаков.

Изображения царей различаются чертами лица и коронами.

Типов корон в основном—четыре: 1) округлая шапочка, с полумесяцем впереди, напоминающая головные уборы эфталитских царей Индии и убор двух из царей группы A. 2) Такая же шапочка, с полумесяцем спереди, сзади и сверху оба этих убора, несомненно, близки к уборам сасанидов Ездегерда I (399—420) и особенно Пируза (479), Кавада (488—531), Хосроя I (531—578), Гормизда IV (574—590) и Варахрана VI. 3) Убор в виде своеобразного тюрбана или шлема с поднятым вверх слегка заостряющимся передним углом и с характерной орнаментацией верхнего края в виде ряда загибающихся вперед маленьких спиралей. На серебряных монетах группы $BB_1\beta$ представлены только варианты этого убора. 4) Убор в виде зубчатой короны, с поднимающимися ступенями передним и задним краем, напоминающий, как отмечено, убор Варахрана V.

Количество правителей, носивших эти короны, значительно больше, чем число типов корон.

Подразделение на подгруппы этой группы мы основываем на характере легенды: 1) легенда целиком на реверсе; 2) царский титул располагается на лицевой стороне, справа, против лица царя; на реверсе—имя; 3) обратное: титул на реверсе, на лицевой же стороне—имя царя, написанное характерным курсивом.

B_1 —сохраняет то же отношение, но на реверсе над крупом коня появляется надпись миниатюрными арабскими бук-

¹ W. T i e s e n h a u s e n—Notice sur une collection de monnaies orientales de la comte S. Stroganoff. SPB, 1880, p. 8 (№ 16).

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

ТАБЛИЦА II. МОНЕТЫ ГРУППЫ В В., СЕРЕБРО.

Рис. 1 — монета MR'MLK'Sxr (?), Гос. Эрмитаж. Рис. 2 — монета MR'MLK'Xwrzm (?), Гос. Эрмитаж. Рис. 3, 4, 5 — монеты Шаушафара, Гос. Историч. музей. Рис. 6—10 — монеты Абдалаха (?), Гос. Эрмитаж.

в а м и, в которой могут быть прочитаны имена: *جعفر* или *الفصل* —Фадл (ал-Фадл) и Джа'фар.

Оба эти имени позволяют точно датировать монеты B_1 . Это имена арабских наместников Хорасана, правивших в конце VIII в. н. э.—ал-Фадл ибн Яхья из дома Бармекидов (787—795)¹ и один из его предшественников—Джа'фар ибн Мухаммед (787—789)². Между этими наместниками правил известный Гитриф ибн Ата (792—793)³, который, по Нершахи, впервые вмешался в чеканку монет в Бухаре, где, по этому автору, были выпущены так наз. диргемы «гитрифиды»—монеты старого бухарского образца, но с именем наместника⁴.

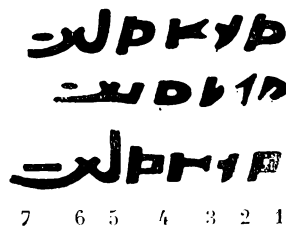
Таким образом, наиболее поздние монеты нашей серии относятся к концу VIII в. н. э.—ко временам Харун-ар-Рашида. Как в *группе AA_{1a}*, мы находим и в этой хронологически более поздней группе несколько монет (одна из которых была, как отмечено, опубликована Томасом), отличающихся типом реверса. Это крупные, плоские медные монеты трех правителей, в своеобразных пышных головных уборах, имеющие в центре реверса не всадника, а тамгообразные знаки, меняющиеся от правителя к правителю.

Чаще всего представлен знак Ψ , реже $\mathfrak{F}$. На дефектной монете третьего царя видна лишь часть знака $\mathfrak{F}$. Однако, так как титул царя в легенде на реверсе тождественен титулу монет *группы BB₁*, эти монеты, которые мы выделяем в *группу β*, несомненно связаны с Хорезмом. К определению их места в нашей серии мы вернемся ниже.

IV

Мы переходим к самой сложной части нашей работы—к анализу хорезмийских легенд наших монет. Первым шагом в этом исследовании было выделение группы знаков, повторяющейся на всех без исключения монетах *группы BB₁* β.

Эта группа знаков выглядит на разных монетах как

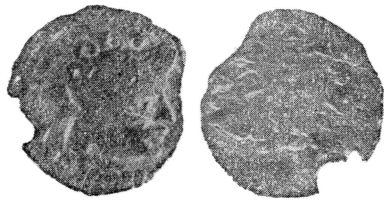

¹ Так, по Бартольд («Туркестан», II, стр. 207) И. И. Т р о ф и м о в («Хронологическая таблица мусульманских династий», Ташкент, 1897, стр. 29) датирует правление ал-Фадла ибн Яхья 794—803 гг.; по Бартольд (там же, стр. 503) в 796—806/7 или 808 гг. в Хорасане правил Алий ибн Иса. В 783 (782)—787 гг. в Хорасане правил (Бартольд, там же, стр. 503) Абу-л Аббас Фадл ибн Сулейман ат-Туси. Имя на наших монетах может быть, хотя и с меньшим вероятием, отнесено и к нему.

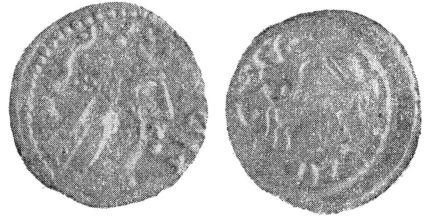
² И. И. Т р о ф и м о в, там же, стр. 28.

³ Бартольд, там же, стр. 207; Т р о ф и м о в (там же, стр. 29) дает дату 791—793.

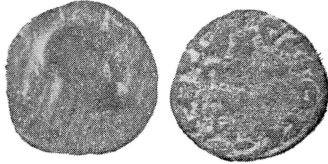
⁴ Негсхакху, цит. соч., стр. 34—36; Лерх—Монеты, бухар-худатов, стр. 59 сл., Бартольд, там же, стр. 209. Еще несколько раньше в Хорасане, при наместнике Мусейабе ибн Зухейре (780—783), стали чеканиться так наз. диргемы Мусейаби (Бартольд, стр. 211).

1

2

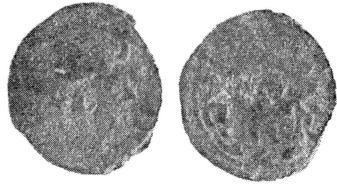
3

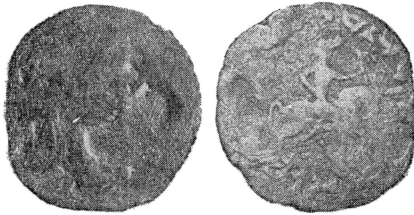
4

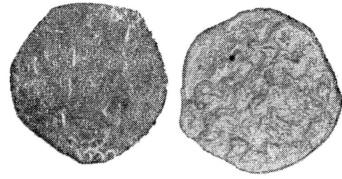
5

6

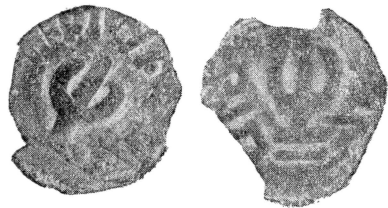
7

8

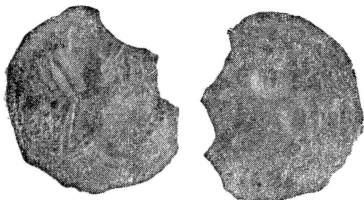

9

10

11

12

13

ТАБЛИЦА III. МОНЕТЫ ГРУППЫ В β. МЕДЬ.

Хорезмийская экспедиция 1937 г. Рис. 1—8—группа В. Рис. 9—13—группа β_а

Сопоставление с почти всеми алфавитами арамейского происхождения дало бесспорное чтение двух знаков—второго и четвертого. Первый знак, очень близкий к четвертому, как правило, в пределах одной надписи, несколько отличается от него по начертанию, что заставило нас первоначально видеть в них, по примеру Томаса, различные знаки, с той разницей, что Томас видел в первом знаке *мим*, а в четвертом *алеф*, а мы сочли более вероятным видеть *мим* в четвертом знаке. В чтении второго знака наше мнение совпало с мнением Томаса.

Первоначально мы сделали попытку читать слово в целом, как XRSMSHY, видя в первом знаке *x* близкое к *x* монет бухар-худатов и некоторым начертаниям *k* аршакидского пехлеви, сасанидского пехлевийского курсива и *коф* ряда северносемитических алфавитов, в частности как древнего, так и средневекового еврейского (возможно, впрочем, сближение и с некоторыми начертаниями *h* северносемитических алфавитов) и, наконец, из среднеазиатских—орхоно-енисейского.

Третьему знаку я искал аналогии в *саде* древнеарамейских алфавитов—пальмирского, синаитского и в *s* орхоно-енисейского алфавита.

Наконец, лигатуру трех знаков в конце я пытался интерпретировать как связь арамейского (и аршакидо-пехлевийского) *шина* (и в данном случае не расходясь с Томасом) с сокращенными *ha* и *iod*.

Однако это заманчивое чтение, наиболее слабым местом которого являлось отсутствие *вава* после *x*¹, мы вынуждены были пересмотреть после ознакомления с монетами *группы А* из собрания Эрмитажа. Здесь

неизменная часть хорезмийской легенды читается

несомненное арамейское MLK' —«царь»,—причем эти знаки столь же несомненно тождественны со знаками 4—7 легенд монет *группы BB*_{1β}.

Это заставило нас отказаться от первого чтения и прийти к выводу, что, не различая первого и четвертого знаков, в легенде *BB*_{1β}, мы читаем MR' MLK'—сочетание двух арамейских идеограмм: MR' со значением «господин», «властитель» (ср. в согдийском MR'У, в пехлеви ² и MLK'—«царь»—вместо хорезмийского «шах») в целом «господин—царь», может быть «властвующий царь».

Алеф в таком чтении окажется близким к одному из начертаний алефа аршакидо-пехлевийских монет (*K*), восходящего в свою очередь к наиболее архаической форме финикийского и арамейского начертания .

Дешифровка титулов дала нам пять знаков древнехорезмийского алфавита (', M, L, R, K). Это дало возможность полнее выяснить генетические связи нашего шрифта и проследить его эволюцию.

Прежде всего, мы смогли установить, что хорезмийский шрифт вплоть до VIII в. сохраняет крайне архаический облик, во многом более

¹ Впрочем, если в арабском начертании, мы, как правило, имеем *خوارزم*, то у наиболее раннего автора, описавшего завоевание Хорезма арабами—ал-Белазури (Liber Exrignationis Regionum, ed. de-Goeje. Lugd. Bat. p. 420), мы читаем *خارزم*—без *w*. То же разночтение мы встречаем и в домусульманских памятниках. Персидская клинопись и пехлевийская надпись в Пайкули дают начертание с *w*, после начального *H*, в то время как арамейские папирусы из Ассуана опускают *w*.

² А. А. Фрейман—Находка согдийских рукописей и памятников материальной культуры в Таджикистане. «Согдийский сборник», Л. 1934, стр. 13.

сближающий его с арамейскими шрифтами парфянского и даже ахеменидского времени, чем с сасанидским пехлеви и согдийским. При всей архаичности раннесогдийского, хорезмийский дает значительно больше черт сходства с исходными формами.

Затем, анализ надписей на монетах разного времени позволил нам выявить три этапа развития хорезмийского письма. Первый представлен на монетах группы AA_1 α . Его знаки целиком укладываются в рамки вариаций арамейского шрифта, как такового. Знаки пишутся раздельно, лигатуры отсутствуют. Второй—представлен в надписях на реверсе всех монет группы $BB_1\beta$. Знаки приобретают здесь ряд местных особенностей. В частности М получает замкнутую снизу форму. Появляются лигатуры при общей тенденции писать буквы раздельно. Третий этап представлен в надписях на лицевой стороне монет VIII в. группы $BB_1\beta$. Это—законченное связное курсивное письмо, знаки которого претерпели значительные изменения, во многом сблизившись со знаками согдийского (в том числе и позднесогдийского) алфавита. Наглядно видеть эти изменения можно из сопоставления начертания титула MLK' на разных этапах истории хорезмийского письма.

1. Раннехорезмийское

2. Среднехорезмийское

3. Позднехорезмийское

Значительно больше трудностей представило чтение меняющихся легенд, в которых естественно было видеть личные имена царей. Однако здесь мы имели благоприятные условия благодаря наличию списка 22 древнехорезмийских царей ал-Бируни, охватывающего период с начала IV по X в. н. э.¹

Наиболее определенные результаты дала работа над чтением имен на монетах с курсивным начертанием имени царя на лицевой стороне. Здесь мы имели для одного из двух царей этой группы точную датировку благодаря арабской надписи, что давало возможность довольно точно датировать и другого царя серединой VIII в. С другой стороны, облегчала дело и близость курсивных начертаний хорезмийских имен к согдийскому курсиву.

Курсивная надпись на упомянутых монетах царя середины VIII в.

6 5 4 3 2 1

вероятнее всего может быть отнесена к царю Шаушафару

شاورشفر, единственному из списка домусульманских царей ал-Бируни, упоминаемому в иностранных—в данном случае китайских—источниках под именем Шаоши-фынь²; этот царь, согласно Тан-шу, в 751 г. прислал посольство с дарами к китайскому двору³.

¹ «Chronologie Orientalischer Völker von Albêrûni». Herausg. v. Dr. C. Eduard S a c h a u. Lpz. 1923, S. 35 (арабск. текст); «The Chronology of Ancient Nations». An english Version of the arabic text of the Athâr-ul-Bâkiya of Albêrûni. Transl. and edited by Dr. C. Eduard S a c h a u, Lond., 1879.

² Тан-шу, гл. 21 в., стр. 5а; И о а к и н ф—Сборник сведений, III, стр. 246.

³ 稍施芬

В нашей надписи, как и в имени царя, повторяются первый и четвертый знаки, которые могут быть сближены с согдийским $\mathcal{V}$ —š. Конечное *r* не подлежит сомнению. Знак второй может рассматриваться как сокращенное курсивное начертание *алефа*. Знак третий близок к согдийскому *ваву*; знак пятый может быть сопоставлен с согдийским *p*.

В целом имя читается š'wšpr—Шаушафар. Это чтение нам представляется не возбуждающим сомнений.

Надпись на реверсе вслед за царским титулом

𐰽𐰺𐰸𐰾𐰏

7 6 5 4 3 2 1

Первые четыре знака я, исходя из первого опыта чтения титула, читал *qršd...*, видя здесь имя или скорее—эпитет к титулу царя (хурзад—«сын солнца»?); сходное с ним имя Хурразад упоминается Табари в качестве имени брата хорезмшаха—современника Кутейбы, восставшего против шаха и разбитого Кутейбой в 712 г. ¹.

Однако сейчас третий знак должен читаться, как *алеф*, в первом—вероятнее всего видеть подвергшееся влиянию курсива начертание *p*, второй и четвертый могут быть *r* или *k*. Последний знак вероятнее всего *p* (см. ниже). Пятый знак на других монетах (см. ниже) является одним из начертаний *x*². Наконец, в знаке шестом я склонен видеть одно из начертаний хорезмийского š, восходящего к арамейскому $\aleph$ ³. В целом слово читается как *pr'rxšp*⁴—слово, этимология которого для меня неясна, но, повидимому, являющееся дополняющим титул эпитетом, возможно восходящим к иранской основе *فر* «блистать», «сиять». Сравни согдийское *prnxwnt*—«блистающий»—в качестве эпитета правителя⁵.

Менее определенно чтение имени царя на монетах с именами арабских наместников شاهنشاه . На это время по списку ал-Бируни должно падать правление либо преемника Шаушафара, имя которого ал-Бируни передает в форме *تركسبته* (Турксабаса или Туркасбаса) или его преемника, носившего мусульманское имя Абдаллах.

¹ Табари, изд. de Goeje, стр. 1236; Белязурри, стр. 420; Ибн-ал-Асир, IV, 451.

² Впрочем, здесь можно видеть и аршакидо-пехлевийское 𐬀 —восходящее к арамейскому š, которое здесь может служить вероятнее всего для передачи звука š→c.

³ Возможно, однако, предполагать здесь и лигатуру двух знаков (*zr?*).

⁴ Может быть *pr'rezrn* (?). Тогда во второй части можно предполагать хорезмийское *zirni* (زرنی)—«золото».

⁵ H. Reichelt—Die soghdischen Handschriftenreste des Britishen Museums. II, Heidelberg 1931, 1, 5, 6; III, 9, 34, 10, 33; VI, 2. Ср. новоперс. *افروخته* *афрoхте*—«сияющий», «блестящий», осет. *фаерухс канун* (-ун)—«осветить», «стать светлым». Ср.

также в сасанидской титулатуре 𐰽𐰺𐰸𐰾𐰏𐰽𐰺𐰸𐰾𐰏𐰽𐰺𐰸𐰾𐰏 (*pr'r*

Hrmzde Farr Hormizd) $\text{𐰽𐰺𐰸𐰾𐰏𐰽𐰺𐰸𐰾𐰏𐰽𐰺𐰸𐰾𐰏𐰽𐰺𐰸𐰾𐰏}$ (*farraxw*,

Так как вторая часть имени является уже знакомой нам идеограммой MLK('), а знак пятый тождествен с седьмым—стоящий перед ним знак четвертый может быть архаическим начертанием W, которое мы еще встретим на наших монетах, а знак второй очень близок к общеарамейскому и, в частности, согдийскому начертанию *b* (согд. β), и я склонен видеть здесь именно имя Абдаллаха, рассматривая первый знак либо как *айн*, употреблявшийся в хорезмийском (как и в согдийском), конечно, лишь для передачи семитических слов; либо, может быть, сокращенное написание *алефа*, сходное с сокращенным *алефом* в конце титула на монетах группы А.

Если предположить в третьем знаке—*d*, родственное некоторым начертаниям аршакидского пехлеви и тождественное ð согдийских текстов, то имя в целом будет читаться 'bdwlMLK(') или 'bdwlMLK(') = 'Абдалл(ах)-шах.

Монеты группы А читаются с большим трудом. Как я уже отмечал, мы имеем здесь четыре имени:

В первом ясны три последние буквы, дающие чтение *m'r* или *m'k*. Первая, если исходить из арамейских прототипов, может быть *w*, *y* или *z*, вторая—*w*, *p*, *z* или *g*. В целом имя может читаться $wzm'r$, $yzm'r$, $wpm'r$; $wgm'r$ или, наконец, $zgm'r$.

Во всяком случае в списке ал-Бируни подобного имени нет.

Во втором имени первый знак *алеф*, четвертый, вероятнее всего, *r*. Во втором знаке я вижу арамейское *p*, в третьем—*w*, в пятом—арамейское *гимель* (*g*), в целом 'pwrg, где *w*, как в пехлеви и согдийском, может служить для передачи редуцированного гласного. В таком случае, это начертание будет передачей имени Африга *افريغ*—первого царя списка ал-Бируни.

В третьем имени первый знак—*w*, второй—*r*, четвертый—*w*, пятый—*m*.

Если видеть в шестом знаке, как и в надписи на реверсе монеты Шаушафара, одно из начертаний x^1 , и в третьем знаке предположить хорезмийское *t* или ð (→арам. *t*)², все имя будет читаться $wrdm$ x, т. е. имя Арсамух,

ارشموخ, ал-Бируни³. Однако по типу монеты не могут принадлежать этому шаху, бывшему, по ал-Бируни, современником Мухаммеда, т. е. жившему в первой четверти VII в. Они, несомненно, восходят к значительно более раннему времени и, может быть, принадлежат одному или двум шахам этого имени, либо правившим до Африга, либо почему-либо (нет ли ключа к этому в виде изменений тамги на этих монетах?) не попавшим в список Бируни.

Наконец, чтение надписи на монете пятого типа, наиболее поздней из группы А по формальным особенностям (почти полное исчезновение греческой надписи, более плоский рельеф), дает нам на втором и третьем месте знаки, могущие быть *y* или *w*. Первый и четвертый знаки могут быть

¹ Или ð→с (см—выше, прим. 2 к стр. 135).

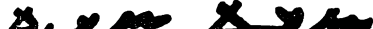
² Сходные формы *tau* мы находим в старосирийском, эстрангелло, синаитском, в Иране—в сасанидском пехлеви и зендском.

³ Или Арсамуч (Арсамуц). Так как *خ* очень близко к *ح*, которым *ç* передавалось в арабском (а в арабской транскрипции хорезмийских слов для ð (→с) мы имеем у ал-Бируни *ح*, а в хорезмийских документах XIV в. для с—*خ*—легко предположить в данном случае у ал-Бируни описку.

сближены с пехлевийским *s* и *š*, и тогда имя в целом будет читаться *suwš* или *šuwš*—*Сиявуш* или *шиявуш*, переданное у ал-Бируни в форме Шауш (شائوش)—царь, правивший, если придерживаться расчетов Бируни, в начале VI в.¹

Еще сложнее чтение медных монет нашей коллекции, принадлежащих к группе В, так же как серебряных монет этой группы, не имеющих курсивной надписи на аверсе.

На одной из них с легендой можно пытаться видеть имя $s' h r$ —имя царя, правившего в первой половине VII в. н. э. (سخر).

Пять серебряных монет собрания Эрмитажа и ряд наших медных монет не несут на лицевой стороне имени царя. Они имеют на реверсе одну и ту же часть легенды, следующую за: $MR'MLK'$:

Несомненно, чтение четвертого знака—*M* и второго—*R*. В третьем, имеющим тенденцию связываться с последующим, а иногда и предыдущим знаком, вероятнее всего видеть арамейское *z*. Если, придерживаясь в данном случае чтения Рэпсона², видеть в первом знаке заимствованную из сасанидского курсивного пехлеви лигатуру *H* и *W*, все слово в целом будет читаться $HWRZM$, т. е. Хорезм, и тогда надпись в целом будет читаться $MR'MLK' Hwrzm$ —«господин шах Хорезма».

Вызывает сомнение, с одной стороны, тот факт, что на монетах всех других типов нашей серии название страны отсутствует, с другой—курсивная позднепехлевийская лигатура мало вяжется с архаическим обликом хорезмийского монетного алфавита. Однако, так как чтение... *rzmt* не подложит, как нам представляется, сомнению, а датировка этих монет, тесно примыкающих по всем признакам к монетам Шаушафара и Абдуллы и, несомненно, чеканенных одним из непосредственных предшественников первого, вероятно—в VII в. (здесь мы присоединяемся к сделанной на основании других данных датировке Кэннингэма), позволяет считать хронологически возможным воздействие поздних форм пехлевийской письменности—я считаю это чтение наиболее вероятным.

Индивидуальная часть легенды одной монеты (из коллекции Эрмитажа) без имени на лицевой стороне, очень в остальном похожей на только что описанные, и если не чеканенной тем же царем, то очень близкой ко времени чеканки их хронологически, выглядит, как

4 3 2 1

Легенда, как мы видим, крайне деформирована, буквы слились между собой в сложную лигатуру. Отчетливо выступает лишь последнее *R* (*K*?).

Ни в коей мере не претендуя на окончательное чтение, я считаю все же возможным пытаться раскрыть в этой лигатуре знаки

4 3 2 1 *

¹ Впрочем, близость изображений царей на монетах «Африга» и «Шауша» и несомненное сходство в начертании первых трех знаков обоих имен в легендах делает оба приведенные выше чтения гипотетичными и позволяет поставить вопрос, не принадлежали ли они одному царю. Против этого, впрочем, говорит очень значительная разница в весе (9, 10 г у «Африга» и 5, 96 г у «Шауша») и фактуре монет.

² На возможность этого указал нам и А. А. Фрейман.

и читать, как и на медной монете, приводимой нами выше, *S'hr*—Сахр, правившего в конце первой половины VII в.

На монетах со знаком Ψ , где реконструированная при помощи сопоставления ряда дефектных монет индивидуальная часть легенды выглядит как **𐎧𐎠𐎧𐎠** мы считаем возможным, сближая первую букву с арамейским¹ *h*, вторую с *n*, в третьей видеть близкий к пехлевийскому *k*, в четвертой *r* и в пятой—конечное *y*², читать *xnqru* или *xnry*.

Это имя будет соответствовать имени خانکری (خامکری) Ханкари или Хамкари—имени шаха, по списку ал-Бируни, правившего в первой половине VI в. Однако, так как в таком случае необъяснимым остается отличие реверса от обычного для монет Афригидов, я склонен видеть здесь имя враждебного хорезмшаху — современнику Кутейбы—«царя Хамджерда» (ملك خام جرد), правившего где-то в западной части Хорезма, вероятно—в Нижнем Хорезме, и в 712 г. разбитого и казненного Кутейбой³.

Мы сделали выше попытку чтения 8 имен, представленных на наших монетах. Пока непрочитанными остаются еще 5 или 6 имен на, по большей части сильно дефектных, медных монетах нашей коллекции.

Проделанная работа дает возможность с большей или меньшей долей вероятности подойти к чтению восемнадцати знаков хорезмийского алфавита, на разных этапах его развития: 'y, w, b(β), p, m, n, r, l, θ, d, s, δ, h, x, k, q (γ), g.

V

Наш анализ был бы неполным, если бы мы не привлекли к нему весовые данные. Эти данные полностью подтверждают выводы в отношении относительной хронологии, сделанные нами из анализа изображений и фактуры монет.

Наиболее полновесными (что, однако, связывается с низким процентом серебра в сплаве) являются тетрадрахмы группы *A*₁. Монета с безбородым царем имеет вес 11,75 г, с бородатым—11,60 г (причем край последней монеты обломан). Как мы знаем, тетрадрахмы Герая⁴ имеют вес 11,95—15,56 г, в среднем—13,93 г.

Вес группы *A* значительно ниже. Монеты царя в орлином шлеме дают вес в 9,85; 8,00; 6,85 г, монета «Африга»—9,10 г и, наконец, монета «Шауша», самая поздняя и по имени и по остальным признакам,—5,96 г, представляя собой крайне обесцененную тетрадрахму (каковой она остается по диаметру), по весу уже приближающуюся к полновесной драхме.

Серебряные монеты группы *BV*₁ дают не менее показательную картину. Монеты царей VII в.—полновесные драхмы, несколько превосходящие в общем довольно устойчивый вес сасанидской драхмы, колебавшийся

¹ Ср. начертание *x* на ряде недатированных монет из Средней Азии, изданных A l l o t t e d e l a F u y e, RN, 1910, p. 301; 1925, p. 31, 163, стр. 144—147. Прототипом здесь является арамейское (*ha*) ахеменидского периода. Ср. также начертание *ha* и *het* в квадратном письме.

² Ср. конечный *йод* в сасанидском пехлеви.

³ Та б а р и, II, Ser. II, стр. 1238; и б н - а л - А с и р, 4, 451; у Ю с т и—*Xāmjerd* («Namenbuch», S. 169).

⁴ А. Н. З о г р а ф—Монеты Герая, стр. 5—6, 21.

на всем протяжении четырехвековой истории сасанидов между 3,695 и 4,046 г¹.

Четыре монеты с предположительным чтением *MR'MLK'Hwrzm(?)* вес дают 4,67; 4,38; 4,37 и 4,36 г.

Монеты с другой легендой (*s'hr?*)—4,55 г. Вес, таким образом, высок и весьма устойчив, отличаясь в этом отношении от тетрадрахм III—V вв.

Монеты Шаушафара дают резкое снижение веса; их вес—3,26; 3,20; 3,11 и 3,06 г—спускается ниже минимального веса сасанидских драхм.

Еще ниже падает вес монет «Абдаллаха».

Монеты «Абдаллаха» без арабской надписи имеют вес 2,44; 2,39; 1,97 г. Монеты с арабской подписью дают 2,05; 1,92; 1,44 и, наконец, 1,32 г, падая более чем втрое по сравнению с хорезмийскими драхмами VII в. и более чем вдвое—по сравнению с драхмой Шаушафара.

Отражая общую закономерность, свойственную большинству нумизматических серий, наша коллекция отражает вместе с тем быстрый процесс политического упадка государства Афригидов после арабского завоевания и особенно под властью аббасидских халифов.

VI

Работа над нашей нумизматической коллекцией позволила нам подойти к вопросу об определении не только недатированных монет, хранящихся в наших музеях, но и некоторых памятников древней художественной промышленности. Определенные при помощи хорезмийских монет, они, в свою очередь, обогатили наш материал по древнехорезмийской письменности, позволили уточнить ряд определений древнехорезмийских буквенных знаков и, что самое главное,—они явились первыми известными нам памятниками древнехорезмийского изобразительного искусства, открывая широкие перспективы изучения художественной культуры древнего Хорезма и, ввиду религиозной семантики ряда изображений, истории религии этой страны.

В поисках памятников древнехорезмийской письменности мы обратились к просмотру непрочитанных надписей на серебряной посуде восточного происхождения, изданных Я. И. Смирновым.

Среди сосудов с надписями мы обратили внимание на семь серебряных чаш, изданных в атласе Смирнова под № 42, 43, 44, 45, 46, 47 и 286².

По ободку этих чаш идут, как правило, тщательно выгравированные надписи, о которых Я. И. Смирнов в вводной статье к атласу пишет: «Надписи на группе чашек (42—47, 286), кончающиеся, повидимому, обозначением веса, не читаются, по словам акад. К. Г. Залемана, так как писаны, по всей видимости, на каком-то неизвестном языке»³.

Вместе с рядом других произведений, изданных в цитируемом атласе, его автор относит эти чаши предположительно к «позднейшему периоду индо-скифского царства III—VII вв. по Р. Х.», находя аналогии изобра-

¹ Furdooп e D. I. Paгuck—Sasanian Coins. Bombay, 1924, p. 38. Ср. Mordtmann в ZDMG, 1880, S. 149.

² «Восточное серебро». Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной в пределах Российской империи. СПб, 1909, табл. XVIII—XX и CXIV.

³ Цит. соч., стр. 6.

женным на некоторых из них божествам на индийских монетах династии Гупта¹.

Сопоставление знаков надписей на этих чашах с надписями наших монет убедило нас в крайней близости тех и других. Все знаки монет оказались представленными на чашах и лишь несколько знаков на последних отсутствует на монетных легендах.

Сравнительный анализ изображений на чашах и на монетах еще более убедил нас в правильности сделанного сопоставления. Помимо того, что те и другие роднила общая струя индо-бактрийских культурных влияний, сочетающаяся с чертами локального своеобразия, изображения дали ряд деталей, позволивших сделать наше сближение особенно определенным.

Рис. 1. Смирнов. Восточное серебро. № 286

На чаше 286 мы видим изображение сидящего на ковре царя, опирающегося левым локтем на круглую подушку. В правой руке он держит трезубый скипетр, тождественный со знаком Ψ на реверсе анализированной нами выше своеобразной группы наших монет. Этого мало. Рогатая корона на голове царя, с развевающимися позади полосатыми лентами, тождественна с короной царя монет со знаком Ψ . И, наконец, лица обоих изображений несут ряд черт, позволяющих говорить о портретном тождестве царя монет и царя чаши. Характерная, не повторяющаяся на других монетах форма крупного носа, прорез глаз, одутловатые щеки,—все это в сочетании с тождеством убора и символа не оставляет сомнений в том, что на чаше № 286 и на наших монетах изображено одно и то же лицо.

На чашах 42, 43, 44 изображено сидящее на троне (42), поверженном льве (43) и леопарде (44) четверорукое божество, держащее в трех из рук скипетр, символ луны и символ солнца. На голове божества—корона со ступенчатыми зубцами, украшенная на лбу лунным серпом с тремя звездами, тождественная с зубчатой короной ряда монет группы В.

На чаше 45—стоящее божество с козлиной головой, с развевающимися назад с затылка полосатыми лентами, тождественными с лентами короны царя чаши 286 и наших монет.

Всадник вправо с плетью в опущенной правой руке, с колчаном на правом бедре, на коне, идущем торжественным шагом, с поднятой и подогну-

¹ Цит. соч., стр. 7.

той в бабке левой ногой (чаша 46), теснейшим образом примыкает к изображениям всадника на наших монетах.

А. И. Тереножкину удалось, отправляясь от другого материала—данных древнехорезмийской архитектуры, определить хорезмийское происхождение еще одного памятника художественной промышленности—серебряного блюда с замечательным изображением осады крепости¹.

К мотивам, выдвинутым А. И. Тереножкиным в пользу его определения, мы должны прибавить ряд новых аргументов. Отметим крайнюю

Рис. 2. Смирнов. Восточное серебро. № 42, 43, 45

близость в трактовке изображенных на блюде, на чаше 46 и на наших монетах всадников (особенно характерен поворот лица всадника в $\frac{3}{4}$ на чаше 46 и на блюде) и родство религиозной символики наших чаш и блюда, определенного А. И. Тереножкиным.

В верхней части изображения на блюде мы видим изображение солнца и луны, обведенное полукругом, символизирующим небесную сферу. Мы уже отметили символы солнца и луны в руках четвероруких божеств наших чаш. Их трактовка на чашах и блюде не оставляют сомнения в общей, породившей эти произведения, культурной среде.

¹ И. А. Орбели и К. В. Тревер—Сасанидский металл. М.—Л. 1935. Табл. 20. Об этом блюде см. также F. Sarre—Die Kunst des Alten Persien. Berlin, 1925, S. 69, Tab. 105.

К этому нужно прибавить установленную нами при ознакомлении с чашами и блюдом в подлиннике тождественность венчика вокруг дна наших чаш и по краю блюда¹.

Рис. 3. Смирнов. Восточное серебр. № 46

Таким образом, группа серебряных изделий, хорезмийское происхождение которых мы определили, идя от палеографии и нумизматической иконографии, сомкнулась с произведением художественного ремесла,

¹ Особого внимания заслуживают вооружение и одежда всадников на монетах, чаше 46 и блюде. Этому вопросу мы предполагаем посвятить особый, подготавливаемый нами в настоящее время этюд. Ограничимся важнейшим. Тип колчана у всадников на Аниковском блюде и на чаше 46 (тождественность типа в данном случае служит новым подтверждением единства происхождения того и другого) только один

которое другой автор определил, как хорезмийское, исходя из совершенно других данных—данных крепостной архитектуры.

Оставляя детальный анализ исследуемых памятников до подготовляемой нами специальной работы, отметим лишь, что наш анализ легенд хорезмийских монет позволил сделать первые шаги дешифровки надписей на чашах.

Эти надписи построены по одному стандарту. Вначале идет слово, которое повторяется на всех чашах и читается, исходя из установленного выше значения букв, как 'sδnwu(?)¹. За этим следует идеограмма MN—^{h?} «от», «из». За ней идет индивидуальная часть надписи, повидимому, содержащая собственные имена.

На чаше 43 я читаю первые два слова после MN—xwδwδ'xw'xc².

Первое имеет в основе xwδw «господин», второе может быть составлено с согдийским словом (имя? название должности?) Ахухсравак ('γwysrβk)³.

На чаше 47 можно прочесть вслед за MN—wrmwδk—теофорное имя.

Ормуз Сатак (?) или Ормуstek⁴.

раз встречается на сасанидских изображениях—на знаменитом рельефе с конным изображением Хосроя II (которое, впрочем, в последнее время есть тенденция относить к Пирузу. См. S a r g e u n d H e r z f e l d—Iranische Felsreliefs, tab. XXXVII). Как бы ни решился вопрос о том, какого царя изображает рельеф, и в том и другом случае изображен царь, имевший более чем тесные отношения с народами Средней Азии.

Во всех остальных случаях сасанидские воины изображаются с очень характерными, заостряющимися книзу, колчанами. Напротив, исследуемый тип колчана крайне широко распространен в I и начале II тысячелетия н. э. в Центральной Азии. Таков колчан на всех изображениях воинов на фресках Восточного Туркестана. Этот же тип мы встречаем в Танских рельефах, как вооружение севернокитайских воинов. Этот тип характерен для древнетюркских погребений Алтая, в XII—XIII вв. переживает в половецком и монгольском вооружении и поныне сохраняется у лоло—туземцев Южного Китая. Этот тип, связанный с иным расположением стрел в колчане (остриями вверх), резко отличается от древних и раннесредневековых форм как скифского, так и переднеазиатского колчана. То же приходится сказать и о других элементах вооружения. В частности, необходимо обратить внимание на налущья всадников на блюде. Они, не встречая никаких параллелей в сасанидском оружии, оказываются широко распространенными в Центральной Азии этой эпохи: мы опять находим их на изображениях воинов на восточнотуркестанских фресках, на изображении согдийского всадника на шите с горы Муг и, наконец, на известном изображении древнетюркского всадника из Минусинского края (где мы находим и описанный выше тип колчана). Форма шлемов также находит прямую параллель на фресках и статуэтках воинов из Восточного Туркестана. Если мы прибавим сюда покрой кафтана на чаше 46, то мы убедимся, что комплекс древнехорезмийского (так же, как и согдийского) вооружения и одежды, являясь независимым от культуры сасанидского Ирана, входит в более широкую культурную общность, объединяющую народы Средней и Центральной Азии и вряд ли не восходит исторически к тем культурным процессам, которые сопровождали движение юе-чжи и образование Кушанского царства.

¹ Может быть «даяние», «дар», «приношение» (?)—ср. новоперсидское ستانَدَن «брать», «взять».

² Для с ср. начертание согдийского ε, которому в хорезмийском закономерно соответствует с.

³ А. А. Ф р е й м а н—Датированные согдийские документы с горы Муг в Таджикистане. Доклады группы востоковедов на сессии АН СССР 20 марта 1935 г. «Труды Института востоковедения АН», XVII, М.—Л., 1936, стр. 141—142.

⁴ Ср. согдийское имя 'xwrmztkk (Ahuramazdaka). R e i c h e l t, II, S. 45 (V, 30).

Все надписи заканчиваются группой знаков, несомненно, являющихся числительными, которым предшествуют общее всем надписям слово, первый и четвертый знаки которого могут быть *z, n, w* или *y*, а второй, повидимому, *m* (цена, вес, название какой-то меры?)¹.

Рис. 4. Смирнов. Восточное серебро. № 43 и 47

Дешифровка этих надписей в целом потребует еще значительной работы, в которой должны быть максимально использованы данные хорезмийского языка, подготовляемые к изданию А. А. Фрейманом.

VII

Из исторических выводов, которые уже сейчас можно было бы сделать из нашей работы, мы считаем необходимым отметить следующее:

1. Изучение тамг монет хорезмийских правителей III—VIII вв. н. э. подтверждает правильность показаний ал-Бируни о непрерывной преемственности власти в Хорезме на протяжении этого периода (и позднее, до конца X в., как мы знаем не только из Бируни, но и из других арабских источников) в руках одной династии, причем, за исключением двух, повидимому, коротких периодов, когда какая-то часть Хорезма—вероятно, Нижний Хорезм—отделялась и ее правители начинали чеканить свою

¹ Отметим, однако, близость некоторых из начертаний этого слова в наших подписях (особенно чаша) с начертанием идеограммы *ZWZN* (=драхма) в аршакидо-пехлевийском авраманском тексте (Herzfeld—Paikuli, I, S. 82). Так как второй знак наших подписей неизменно отличается от *M* в идеограмме *MN* и других словах, может быть, здесь возможно видеть лигатуру знаков *WZ* и читать также *ZWZN*=драхма.

монету,—династия Афригидов по всей видимости управляла всей культурной зоной Хорезма. Это позволяет высказать предположение, что политический строй Хорезма был несколько отличен от строя Согдианы и здесь мы имели вместо типичной для последней конфедерации городов-государств—единое политическое целое, большее, может быть, напоминавшее по своей организации деспотии классического Востока.

Это подтверждается и имеющимися письменными данными, в частности—китайскими хрониками, всегда рассматривавшими Хорезм как единое государство.

2. Исследование тех же тамг и характера изображений на монетах заставляет признать имеющей основания китайскую традицию о юечжийском происхождении правившей в Хорезме династии. Тамга Афригидов связана с тамгой Кушанов, а изображения на монетах восходят к сакско-кушанской нумизматике I в. до н. э.—первых десятилетий нашей эры.

3. Это, как и изображения на чашах, подтверждает тесную культурную связь Хорезма с Бактрией.

4. Нахождение хорезмийских монет III—VIII вв., как и хорезмийских чаш в Прикамье, позволяет считать установленной древность тех очень значительных экономических связей Хорезма с Восточной Европой, которые освещены для IX—X вв. арабскими источниками.

5. Сохранение хорезмийскими монетами вплоть до VIII в. древнего типа изображений говорит о большой самостоятельности и стойкости хорезмийских культурных традиций, сумевших преодолеть мощное влияние культуры сасанидского Ирана, наложившей сильнейший отпечаток на культуру остальных среднеазиатских стран, что нашло свое отражение в господстве на их монетах сасанидских символов. «Хорезмийский всадник» сумел отразить победоносное наступление «сасанидского жертвенника».

6. Архаический облик хорезмийского письма, донесенный им до VIII в., позволяет поставить вопрос, не оно ли явилось важнейшим посредником в проникновении арамейской письменности к кочевым народам Средней и Центральной Азии, где это письмо, в форме тюркского рунического алфавита, получило широкое распространение к VIII в. н. э.

*

Заканчивая наш предварительный очерк, мы не можем не выразить надежду, что при разрывании в должном размере археологических изысканий в Хорезме наша наука обогатится значительно более обильным палеографическим материалом, который не только даст возможность проверить наши заключения и окончательно раскрыть систему хорезмийской письменности, но и откроет перед нами новые возможности исследования истории древнехорезмийской цивилизации—одной из древнейших культур нашей страны.

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

REVUE D'HISTOIRE ANCIENNE

1(2)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ☆ 1938

К ИСТОРИИ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

(Qa-γan||qoş-un √ tar-qan||tür-k)

С. П. Толстов

I

Работая над семантической палеонтологией древнетюркских этнических и социальных терминов, мы не могли не обратить внимания на крайне интересный, хотя и отрывочный, материал, опубликованный в журнале «Советская этнография» и касающийся истории социальных отношений маленькой тюркоязычной народности Крайнего Севера Азии—долган¹.

Согласно долганской легенде, приводимой А. А. Поповым², «в старину, очень давно» долгане делились на две социальные группы—«косуунов» (←→ koiuun) и «baaj ketebilçittere»—«стражей имущества».

Стражи имущества ходили за оленями, охотились, ловили рыбу. Кoiuun'ы «жили отдельно, каждый кочуя своим чумом недалеко от стойбища стражей имущества»³. Они «ходили на войну, в случае нападения врага защищали стражей имущества и богатства, находившиеся в их руках». Они, «кочуя вокруг места расположения хранителей имущества, карауля по очереди, узнавали приближение врага». В мирное время они охотились, отдавая всю добычу хранителям имущества. «Хранители» «никогда на войну не ходили, считались слабыми, из их среды выходили косууны», говорит легенда.

Следовательно, в лице koiuun'ов мы имеем не особый наследственный, резко отгороженный от «хранителей» общественный слой, а тесно связанную с последними группу людей, постоянно пополняемую выходцами из стойбищ «хранителей». Возможно, что на том этапе развития, к которому восходит легенда, это были просто наиболее физически сильные, смелые и предприимчивые люди, независимо от возраста несшие функции защитников племени и составлявшие, так сказать, племенную или родовую дружину. Однако ряд близких аналогий среди многих варварских племен позволяет предполагать первоначальную *возрастную* базу этого деления.

Так, у кочевников-масаев в Восточной Африке⁴ мы имеем деление на два возрастных слоя—el-moran и el-moquo. El-moquo—женатые отцы се-

¹ А. А. Попов, Материалы по родовому строю долган. «С. Э.», 1934, № 6, стр. 116 сл.

² Цит. соч., стр. 118—120.

³ Цит. соч., стр. 120.

⁴ A. de Préville, Les sociétés africaines. Paris, 1894, p. 65.

мейства, кочующие со своими стадами, ведя мирный, скотоводческий образ жизни,—полная аналогия *baaj ketebilçittere* долган. Напротив, *el-mogan*—холостая молодежь, живущая в военных лагерях, в отношениях промискуитета с молодыми девушками (*ndito*⁵), несущими необходимые в лагере хозяйственные функции.

El-mogan охраняют границы племени и ведут оборонительные и наступательные войны, захватывая скот и имущество соседей. «Война,—говорит де-Превилль,—не является для них политическим вопросом. Это вопрос повседневного питания, это разновидность труда»⁶.

Оружие для *el-mogan*—знаменитый масайский щит, широкое двуметровое ударное копье, меч (*el-moguo*, кстати сказать, имеют совершенно иной тип вооружения—небольшой лук и стрелы)—приготавливается особой кастой рабов—*el-gopo*, обслуживающих воинов.

Важно отметить, что сыновья богачей редко идут в ряды *el-mogan*; основная их масса слагается из менее обеспеченной молодежи, которая войной должна создать себе хозяйственную базу, в первую очередь—необходимое количество скота. Достигнув этого, юноша возвращается в становище, женится и вступает в ряды мирных *el-moguo*.

Непосредственным развитием этого типа военной организации племени является заслужившая себе громкую славу военная организация племен-завоевателей Восточной и Южной Африки, в частности—знаменитая военная организация зулу времен Чаки и Дингана⁷, типичным для которой является наличие слоя воинов, разбитого на военные единицы, не сходящие с родовыми и племенными делениями, во главе с военными начальниками—*induna*, причем брак воинам категорически воспрещен до 40 лет, как и у масаев; в лагерях живут девушки—сожительницы воинов, выполняющие также и хозяйственные работы по обслуживанию лагеря. Только заслуженные ветераны получают право обзавестись семьей и перейти в разряд «мирных граждан».

Перед нами—развернутые в широкие масштабы, приспособленные к большему военным предприятиям отношения, данные в основных чертах в организации масаев⁸.

Однако не только Африка дает нам аналогии института, отмеченного выше для долган. Несомненные его живые пережитки налицо в недавнем прошлом военной организации туркменского народа. Мы находим эти пережитки в институте *aq-öyü*.

Работая над хивинскими хрониками Муниса и Агахи⁹, мы обратили внимание на термин *aq-öyü* (*aq-öyüük*) с буквальным значением—«белодомовый». Контексты, в которых встречается этот термин, довольно однообразны.

Речь идет, как правило, о выдаче туркменскими племен-

⁵ При этом дети, рожденные от *ndito* в лагерях, входят в состав семьи деда по матери.

⁶ A. de Prévillle, цит. соч., стр. 73, 75.

⁷ A. de Prévillle, цит. соч., стр. 112 сл. См. также: A. Bruyant, The Zulu family and state-organization. Bantu Studies 1924—1925, vol. II, p. 47 ff.

⁸ Характерно, что, как уже отмечали Schurtz (Altersklassen und Männerbünde. Berl., 1902) и тот же de Prévillle (цит. соч., стр. 80) и др., мы видим здесь прототип одной из форм античного государства, военно-рабовладельческой демократии, достигшей расцвета в Спарте.

⁹ «Фирдаус ал-Икбаль» рукопись Ин-та востоковедения Академии наук СССР, 5900а (С 571). «Ряз ад-Дауле» рукопись Ин-та востоковедения Академии наук СССР, 5900с (D 123).

нами заложников хивинскому хану, как заключительном акте военных действий между ханом и восставшими туркменами (а иногда и другими племенами), о переселении определенной части того или иного племени в Хиву в определенных политических целях и т. п.

Так, при попытке восстания Абдуллы Инака в Хазараспе хан отдает приказ выселить 200 ақ-öyüük из Хазараспа¹⁰: Алла Кули хан переселяет во время своего первого похода в Хорасан ақ-öyüük непокорных сарыков в Хиву¹¹. Население крепости Байверд выдает хану 20 ақ-öyüük с семьями¹². Дальше мы встречаем упоминание о переселении этим же ханом салорских ақ-öyüük, ввиду подозрения в неверности салоров хану¹³, и т. п.

Иногда контекст дает и дополнительные детали. Ақ-öyüük выступают не только как заложники, но и как послы. Так, в «Фирдаус ал-Икбаль» мы встречаем упоминание о прибытии к Мухаммед Рахим хану ақ-öyüük текинцев, во главе с Ходжа Назар-беком¹⁴. Через некоторое время эти ақ-öyüük отправляются обратно¹⁵. То же мы отчасти видим и в отношении упомянутых сарыкских ақ-öyüük¹⁶, двое из которых посылаются вместе с другими послами для переговоров с восставшими сарыками.

Во всяком случае, все это вполне, как будто, подтверждает тот вывод, который мы находим в одном из примечаний к «Печатным и рукописным историческим известиям о каракалпаках»¹⁷, где говорится, что «у хивинских и бухарских авторов заложники обозначались термином «ак-уйлю».

Однако нас не могли не привлечь два момента, затрудняющих столь простое решение вопроса. Во-первых, своеобразная семантика термина, неизбежно требующая особого разъяснения; во-вторых, то, что, как правило, речь в текстах идет о крупных группах людей (200, 20 с семьями и т. п.), причем, как правило, среди них не упоминаются имена родственников крупных местных феодалов, родовых вождей и т. п., что напрашивалось бы, если исходить из обычной, хорошо известной политики аманатства.

Все это заставило нас предположить, сперва в виде гипотезы, что речь идет не о заложниках вообще, а о какой-то определенной прослойке внутри племен, в изоляции которой в период народных движений хивинское правительство было заинтересовано, и попытаться на месте, в Туркмении, выяснить это более точно¹⁸.

¹⁰ «Фирдаус ал-Икбаль», стр. 463 б.

¹¹ «Рияз ад-Дауле», стр. 68 б.

¹² Там же, стр. 141 б.

¹³ Там же, стр. 242 б.

¹⁴ «Фирдаус ал-Икбаль», стр. 491 б.

¹⁵ Там же, стр. 504 б.

¹⁶ «Рияз ад-Дауле», стр. 105 а.

¹⁷ Собрали проф. Н. Н. Пальмов и А. И. Пономарев, Материалы по истории каракалпаков. Труды ИВАН, т. VII, стр. 219.

¹⁸ Даваемая ниже характеристика термина ақ-öyüük основана на материале, собранном во время нашей работы в Туркмении в 1934 г. путем расспроса среди туркмен как в Ашхабаде, так и во время выездов на места (районы Красноводска, Эрбента и серных бугров в Центральных Кара-Кумах, Мерв, Байрам-Алийский район).

Термином *aq-öylü* у туркмен в эпоху, предшествовавшую русскому завоеванию, а у прикаспийских йомудов, особенно на иранской территории, и значительно позднее, обозначалась выделявшаяся из молодых людей данного племени группа, игравшая особую роль в межплеменных войнах. *Aq-öylü* поселялись на значительном расстоянии от аулов своего племени, вдоль полосы, отделявшей территорию данного племени от территории его соседей, и несли функции пограничной заставы, в обязанность которой входило наблюдение за соседями и извещение племени о приближающейся военной опасности. В случае нападения *aq-öylü* являлись передовым заслоном, принимавшим на себя первые удары неприятеля, пока все племя не приводилось в боевую готовность.

Aq-öylü не имели при себе жен и не вели хозяйства, содержась за счет всего рода или племени. С этим связано и самое название. Туркменская юрта называется *qara-öy*— «черный дом», так как от копоти костра, на котором готовится пища, кошмы покрывки юрты, светлобурые или серые по выходе из рук кошмовалайяльщиц, быстро приобретают густой грязно-черный цвет. Характерно, что название *aq-öy* прилагается также к юртам молодых, женатых, но не отделившихся еще от семьи и не имеющих своего хозяйства туркмен, причем у йомудов *aq-öy* снабжается особыми украшениями из нашитых на войлок покрывки широких белых полос¹⁹. Этот момент является лишним доказательством исходной связи института *aq-öylü* с возрастными классами и с теми отношениями, которые мы находим в военной организации масаев и юго-восточных банту.

Наличие у долган, т. е. на крайнем северо-востоке области расселения тюркских народов, и у туркмен—на ее юго-западе—пережитков данной организации позволяет предполагать ее значительно более широкое распространение среди центрально- и среднеазиатских племен в прошлом.

Нельзя не упомянуть, что С. В. Киселев²⁰ отмечает на основании материала погребений и типов поселений на Енисее в бронзовую эпоху, в период так называемой карасукской и, особенно, тагарской культур, наличие «родовых дружин», в тагарскую эпоху занимающих территориально-обособленные поселения, защищающие верховья оросительных систем. Вряд ли здесь не та же система военной организации племени, которую мы прослеживаем у туркмен и долган в Азии и у восточноафриканских народов.

Позднейшие военно-племенные союзы Центральной Азии эпох хунну, сяньби, жуань-жуаней, тюрков-тугю и, наконец, монголов подлежат особому анализу под этим углом зрения. Наличие в военной организации хунну и тугю черт, роднящих их с восточноафриканскими военными организациями, нами уже отмечалось²¹. Такой чертой, в частности, является включение воинов покоряемых племен в состав военных единиц хуннуской и тугюэской военных организаций²². Во всяком случае, замена родовых

¹⁹ С р. А. П. Поцелуевский, Руководство для изучения туркменского языка. Ашхабад, 1929, стр. 202.

²⁰ С. В. Киселев, Разложение рода и феодализм на Енисее. ИГАИМК, № 65, стр. 16, 17, 25.

²¹ С. П. Толстов, Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах. ИГАИМК, № 103, стр. 198—199.

²² И а к и н ф, Собрание сведений, ч. 1; с р. А. d e P r é v i l l e, цит. соч., стр. 124 сл.

делений военно-территориальными (деление на туманы, десятки, сотни, десятки с военными магистратами во главе)—отнюдь не феодальная и отнюдь не свойственная только монголам черта. Помимо монголов²³, мы видим ее у киданей и чжурчженей²⁴, и древнее деление тюркских народов на «оки» (оq)—«стрелы», возводимое легендой ко времени Огуз-Кагана²⁵, впоследствии вновь получившее значение родов,—след военно-территориальной организации племени, которая впоследствии вновь ассимилируется сохраняющейся параллельно ей родовой организацией. (Ср. ассимиляцию древнего, восходящего еще к эпохе хунну военно-территориального деления на «крылья»—«левое» и «правое», или «восточное» и «западное», с архаической дуальной организацией, делением на две фратрии²⁶.)

В частности, интересно отметить, что в родо-племенной номенклатуре огузов, сохраненной нам Махмудом Кашгарским²⁷, Рашид-ад-Дином²⁸ и Абульгази²⁹ и, наряду с древними этническими именами, содержащей и ряд новообразований, отражающих процесс перерождения родо-племенной организации в территориально-кастовую³⁰, мы встречаем и название alqyr-ävli (Рашид-ад-Дин) и alqa-bülük (М. Кашг.), alqa üyli (Абульгази), везде противопоставляемое qara-ävli, qara-bülük, qara-üyli, т. е. «черно-домовъм», «черному делению»³¹, «черно-домовым».

Есть все основания предположить, что наличие этой группы позволяет отодвинуть эпоху возникновения интересующего нас термина, в архаической форме alqa üylük (или alqa-ävli), к эпохе возникновения генеалогических легенд огузова цикла, а возможно, и к еще более древней эпохе.

II

Но интерес долганской военной организации не исчерпывается описанным. Весьма любопытна организация управления племени, характер высших племенных магистратов.

Во главе племени стоят три лица, из которых главным является « т а р ш и й к о һ и у п (—kosuup)», военный вождь племени, выделяющийся из «младших коһиуп'ов», но живущий «вместе с обществом стражей имущества». Характерно, что должность «старшего коһиуп'а» замещалась не выборами, а ежегодным военным состязанием-поединком, выявлявшим наиболее искусного воина. Прежний вождь становился обыкновенным коһиуп'ом³².

Рядом со старшим коһиуп'ом стояли: 1) baaj berijeeci—«распоряжающийся богатством», ведавший всеми хозяйственными делами и деливший военную добычу (он ыбирался «стражами имущества»), и 2) kitebilçit

²³ В л а д и м и р ц е в, Общественный строй монголов., Л. 1934.

²⁴ В а с и л ь е в, История и древности Ср. Азии, ЗАО, т. XII.

²⁵ B a n g u n d R a c h m a t i, Die Legende von Oğuz Qağan. Sitz. d. Preuss. Ak. d. Wiss. XXXV, 1932, S. 690 ff.

²⁶ Ср. нашу работу «Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен». Пробл. ИДО, 1935, № 9—10.

²⁷ Mahmud al-Kašğari, I, стр. 56.

²⁸ Рашид-ад-Дин. Изд. Березина. ТВО, VII (текст), стр. 33.

²⁹ Aboul-Ghazi, ed. Desmaisons, I (texte), p. 28.

³⁰ См. нашу работу «К истории родо-племенной организации у туркмен». Л., 1938 г. (печатается).

³¹ Не исключено, что alqa-bülük Махмуда Кашгарского—искажение первоначального alqa (соотв. qara) üylük; ср. транскрипцию Абульгази.

³² П о п о в, Цит. соч., стр. 119.

ojuu—«шаман-охранитель», главные функции которого заключались, по видимому, в военной магии³³.

Это наличие двух высших племенных магистратов рядом со старшим koiuu'ом нужно особо отметить, так как оно проливает свет на вопрос о генезисе некоторых характерных черт организации военно-племенных союзов кочевников Центральной Азии и Восточной Европы.

Так, общеизвестно наличие во главе государства тюрков-тугу VI—VIII вв. аналогичной тройки—в лице qaγan'a, uabγu и šad'a.

Во главе военно-племенного союза «тюрков»-мадьяр IX—X вв. также стоят три высших магистрата—верховный вождь—по Ибн-Русте—kenderh³⁴ и два его помощника, облеченные, в первую очередь, судебной властью—гилас и кархан³⁵.

Общеизвестное «двоевластие» у хазар с их ханом и беком, несомненно, может рассматриваться, как пережиток этой же формы организации, причем роль верховного жреца племени сливается в лице хакана с военным предводительством, постепенно оттесняя последнее и переводя его в руки б е к а—магистрат, вероятнее всего, восходящий к архетипу долганского baaj berijeeci³⁶.

Эта связь прослеживается по параллели институтов—избирательного ежегодного поединка у долган и ритуального убийства хакана у хазар и тюрков-тугу—явления, как известно, исторически тесно связанные и переходящие друг в друга, причем ритуальный поединок, безусловно, является исходной формой³⁷.

Для нас в данном случае особенно интересно название высшего племенного магистрата долган, как мы видели, совпадающее с названием членов военного общественного слоя—именно kosiuu ←→ koiuuu, чередование, типичное для якутского консонантизма, вероятно* ← koshūn.

Это—двухэлементное имя (АС), со спирантизацией обоих элементов и типичным перебоем исходного плавного последнего элемента gʷs ← африкат gʷ. Для нас особенно важно в данном случае, что долганская форма с ее семантикой оказывается увязанной с двумя широкоизвестными и не ставившимися до сих пор в связь между собой тюрко-монгольскими социальными терминами. Это, с одной стороны, общеизвестные qa-γan ←→ ха-γan—со значением «верховный вождь», позднее—«сюзерен», и тюрк. qoš-uq (в анатолийском, чагатайском и др.³⁸) с монгольской параллелью хоš-uq ←→ х š-(i)³⁹-gūn ←— полная форма хоš-gūn (← *хог-gūn)—и то, и другое со значением «войско», «армия».

Долганский термин, связываясь с обоими этими именами и по значе-

³³ Там же, стр. 119—120.

³⁴ Х в о л ь с о н, Известия Ибн-Даста, стр. 25—26. Ср. у Аль-Бекри, Куник-Розен, стр. 45 (текст), тот же титул.

³⁵ Konst. Porph. De Adm. Imp., 40.

³⁶ Интересно также, что у мадьяр qaγ-han титул, соответствующий тюркскому и хазарскому qa-γan, ха-γan, да, как увидим ниже, и долганскому koiuuu, сохранен не за высшим магистратом, а за одним из второстепенных, что позволяет также предполагать известную трансформацию в системе управления (может быть, переход верховной власти в руки верховного жреца племени). Интересно отметить, что у народов Восточной Африки мы также видим двоякую форму верховного управления племенным союзом—верховный шаман всех масаев—oibopi—с одной стороны, и военные вожди—inkosi юго-восточных банту—с другой.

³⁷ Ср. J. F r a z e r, The golden bough. Русск. пер., изд. 1928. Passim.

³⁸ Р а д л о в, Словарь. 641. Вариант (с сохранением исходного плавного первого элемента) этого имени мы видим в упоминавшемся мадьярском qaγ-han.

³⁹ В л а д и м и р ц е в, Цит. соч. туп. 133, 179.

нию («вождь», «воины») и по лингвистическому составу, несет полностью семантическую нагрузку обоих, фонетически дифференцировавшихся на базе смыслового расхождения, тюрко-монгольских имен. Он позволяет нам установить первоначальное единство этого термина и, соответственно, предположить в эпоху этого единства аналогичную долганской военно-племенную организацию у народов широких территорий Центральной, а частью и Передней Азии.

Равным образом, нам важно отметить установленное еще Н. Я. Марром закономерное соответствие двух форм первого из приводимых тюрко-монгольских терминов—указанной спирантной в обоих элементах и другой, с сибилантизацией первого элемента.

Важно отметить, что последняя форма, в своих фонетических вариантах, несет двойственную семантическую функцию. С одной стороны, *tar-xan* (орх. *tarqan*⁴⁰) выступает, как коллективное имя племенной аристократии, свободных воинов-патрициев, в противоположность клиентам, плебейам и данникам (*tat*, *γuṣ*), позднее получая значение—«освобожденный от налогов». Сюда же относится уйг. *törü*—«принц», *tür-ä* (в ряде языков)—«член правящей династии», «господин», «судья», «чиновник»⁴¹, и, наконец, с огласовкой *ä/i* и усечением исходного плавного первого элемента—*tä-gin*—«князь»⁴².

С другой стороны, это же имя, иногда в смягченной форме—*tärkän* (у Махмуда Кашгарского)—обозначает «верховный правитель», «сюзерен», «каган»⁴³.

Характерно, что тот семантический комплекс, который группируется вокруг имени *tar-xan*, прослеживается и в отношении его спирантированного варианта. С другой огласовкой этот термин несет значение «племени», «собрании родственников», уже и более специально—«свойственники»; так, *tür-kün*, по Махмуду Кашгарскому, «собрание родственников» (род, колено, племя) и «дом отца и матери»; у казахов *tör-kün*—совокупность родственников жены, дом отца жены⁴⁴, ср. монг. *tor-gün(d)*⁴⁵ с тем же значением. У алтайцев *tör-ö* «народ», у телеутов *tör-ö* «род, родство, родня, происхождение»⁴⁶.

Мы уже отмечали лингвистически устанавливаемую связь между *tar-xan* (*tar-qan*)←→*tär-kän* и семантическим рядом, группирующимся вокруг значения «собираться», «соединяться». Сюда относятся отмечавшиеся уже нами (по Махмуду Кашгарскому) *tur-jun*, «место сбора вод», телеутское, алтайское *tur-qun*—«стоянка»⁴⁷, *tur-γun*—с тем же значением у казахов⁴⁸, чагатайское *tur-* и «стоячий», «стоящий»⁴⁹, телеутское *tur-ü*—«стояние», «стоянка», «пастбище, стадо зверей»⁵⁰, анатолийское, крымское *tur-a*—«пучок», «связка». С иной огласовкой—*tir-kä* (казахское) «привязывать

⁴⁰ Радлов, 851.

⁴¹ Радлов, 1256, 1556.

⁴² Радлов, 1034.

⁴³ Ср., например, титул хазарского владетеля в «Hudud-al-alem» «тархан-хакан»—текст, стр. 38b, где обе указанные формы стоят рядом, блестяще подтверждая анализ Н. Я. Марра.

⁴⁴ Радлов, 1256.

⁴⁵ Владимирцев, цит. соч., стр. 48, 59.

⁴⁶ Радлов, 1253.

⁴⁷ Радлов, 1456.

⁴⁸ Радлов, 1458.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Радлов, 1452.

друг к другу»⁵¹, *tir-gä*—(чаг.)—«привязать», «сшить», «подпереть»⁵², *tär-kin*—«расширяться», «изобиловать», *tär-gä* (телеутское) «собирать», «отрядить», «приготовить», *tär-gän*—«собираться»⁵³.

По закону диалектической противоположности эта же основа с иной, а иногда и той же огласовкой дает прямо противоположное значение—«разделить», «разрубить», «разбросать»—ср. казахское, киргизск., тел. *tür-a*—«разрубить», «крошить»⁵⁴, *tör-y* (алт.)—«разрушать», «ломать»⁵⁵, анатолийское *tor-ya*—«разрезать на мелкие куски», «крошить», *töl-a* (алт.)—«разбить», «раскрошить»⁵⁶, *tar-qa* (чаг., казахск.)—«расходиться, рассеяться», орхонское *tar-qan-č*—«рассеянный» (ср. «*Oγuz uymā tarqanč*» «огузы все рассеяны»⁵⁷)—с сохранением исходного консонанта первого элемента и перебоем *r*∕*s*—алт. *tos-qun*—«разбросанный»⁵⁸.

Путем усечения второго элемента образуется одноэлементная глагольная основа *tur* (орх., уйг., др. тюркск. языки⁵⁹), со значением «стоять», «остановиться», «находиться», «жить».

Со спондизацией первого элемента и перебоем его исходного плавного *r* (← *r^s* ∥ *r^s*)∕*s* ∥ *š*, мы видим *qoš-un* в чагатайском и анатолийском со значением—«придаваться», «примешиваться», отсюда—*qoš-un + du*—«примесь», «подмесь», «лицо, присоединившееся к другому»⁶⁰, *kos-kün* (алт., телеутское, лебединское)—«кочевка», «передвижение»⁶¹, барабинское *kös-kün*—«кочевник»⁶²; в усечении, как в первом случае, со значением: 1) ряд, пара, ставка, лагерь, войско, общество, юрта, семья—уйг., чаг. *qoš*, уйг., чаг. *köš*⁶³, 2) «прибавить», «присоединить», «примешать»—уйг., чаг., анат.—*qoš*⁶⁴.

Однако наряду с этим семантическим рядом устанавливается и другой, особенно интересный для нас, в связи с устанавливаемым истоком древнетюркских форм военной организации в системе возрастных классов.

Это, с сибилантной формой первого элемента (*tur-un*)—анатол., чагат.—«внук»⁶⁵ и одновременно—«молодой верблюженок» с закономерным вариантом *tos-un* (анат., крым., казахск.)—«молодой»⁶⁶, «молодец», «сильный и способный парень»—одновременно—«дикий», «недрессированный», «молодой трехлетний бык». Это нельзя не сопоставить с приводимым Махмудом Кашгарским значением слова *türk*—со значением «находящийся в расцвете сил»⁶⁷.

⁵¹ Радлов, 1372.

⁵² Радлов, 1373.

⁵³ Радлов, 1071.

⁵⁴ Радлов, 1446.

⁵⁵ Радлов, 1182.

⁵⁶ Радлов, 1194.

⁵⁷ Радлов, 852.

⁵⁸ Радлов, 1204.

⁵⁹ Радлов, 1442—1445. Что здесь именно усечение первоначально двухэлементного имени, а не обратное явление, говорит закономерное наличие элемента *S* в многочисленных и разнообразных примерах, приводимых выше и ниже.

⁶⁰ Радлов, 641.

⁶¹ Радлов, 1290.

⁶² Радлов, 1291.

⁶³ Радлов, 635, 1286.

⁶⁴ Радлов, 637.

⁶⁵ Радлов, 1453—1183.

⁶⁶ Радлов, 1204.

⁶⁷ Mahmud al-Kašğari, 1, 294.

В спирантизованном ряде мы находим *kös-ä* (крым., анат.), *kös-ö* (каз.)—со значением «безбородый»⁶⁸.

Наиболее развернутую форму со спирантизацией обоих элементов мы находим в другой лингвистической системе (однако в связи с долганскими, прямо относящейся к вопросу)—именно у тунгусов—сравни эвенское *hur-kəp*—«молодой», «юный», эвенкийское «мальчик», «парень»⁶⁹.

Отсюда непосредственный переход к известному уйгурскому *türk*—«могущество», «сила», соотв. чагатайскому, анатолийскому *türk*—«храбрый», «суровый»⁷⁰.

В спирантизованном ряде—с утратой второго элемента—общеизвестное *küç*—«сила»⁷¹. Наконец, любопытно наличие двух параллельных форм,—того же лингвистического состава со значением «народная песня», «историческая песня», в архетипе—«военная песня»⁷² (чагатайское, анатол.—*tür-kü*⁷³ и *qoş-aq* ←→ *qoş-q* ← *qoş-qun «историческая песня»⁷⁴).

III

Предыдущий анализ будет неполным, если мы не введем в него этническое имя *türk*. Материал, приводимый выше, позволяет углубить результаты этого анализа, глубже вскрыв семантическую эволюцию термина.

Имя *türk* встает прочно в раскрытый семантический комплекс, тесно связываясь с его компонентами (так же, как и имя *dol-gan*—перебойная разновидность того же долганского *kos-un* ←→ *ko-hun* ← *kos-hun).

Вышеизложенное позволяет наметить следующие ступени его семантической эволюции: исходную (мы оставляем в стороне более древние связи, вводящие нас в круг первобытных тотемических представлений), в форме *tür-kün (*tar-qan*), со значением—«возрастных классов молодых неженатых воинов», с параллельной спирантизованной формой *qoş-un (*qar-γan*), в дальнейшем целиком принимающей на себя семантическую нагрузку значения «войско». Этот же комплекс несет значение имени—«военного вождя», «предводителя вооруженной молодежи», соответствующего «старшему *koñun'u*» долган; впоследствии в процессе семантической дифференциации термин дифференцируется и фонетически, сохраняя огласовку *и, ü, о* для термина в его общем значении, а огласовку *а* и некоторые дополнительные фонетические изменения (утрата в спирантизованном варианте исходного плавного первого элемента)—во втором значении, образуя параллельные формы *tar-qan* и *qa-γan* (*xa-qan*) со значением «верховный вождь», хотя и сохраняя форму *tar-xan* со значением коллективного имени военной аристократии, сменяющей на данном этапе архаическую, основанную на возрастном делении, военную организацию племени.

⁶⁸ Радлов, 1293—1294.

⁶⁹ Василевич, Эвенкийско-русский словарь, стр. 91.

⁷⁰ Радлов, 1556.

⁷¹ Радлов, 1489.

⁷² Радлов, 1556.

⁷³ Радлов, 638.

⁷⁴ Мы оставляем пока в стороне, лишь отметив, весьма интересную параллель спиритного и сибилантного (в отношении первого элемента) ряда этой двухэлементной основы—именно *tur-an* (кум.) «железный плуг» (Радлов, 1448) и чувашск. *tёрен*—«лемех плуга» *qos* (чаг.)—«плуг» (Радлов, 638), вводящую нас в комплекс скифской терминологии через *eg-kip*, «железо», к преданию об *erkepe-qon'e*—«железных воротах», в сферу тюрко-монгольских этногонимических мифов, перебрасывая мост в Восточную Европу и Закавказье и расширяя наш вопрос до огромной проблемы скифо-тюркских исторических связей.

В орхонскую эпоху, во всяком случае, мы видим оба варианта сибилантной разновидности несущими значение имени военной аристократии племенного союза—*taγ-xaη* и с усечением второго элемента—*tür-k*.

Уже В. В. Бартольд выяснил, что термин *tür-k* в орхонских надписях и позднее выступает не как этнический, а как политический термин⁷⁵, как общее имя политического объединения, в состав которого входили различные племена (в частности, огузы).

Сейчас мы можем уточнить эту формулировку. Контекст орхонских надписей не оставляет сомнений, что этот термин выступает в них именно как собирательное имя военного союза племен. В этом же плане может быть понято и употребление этого термина у мадьяр IX—X вв., сохраненное нам византийскими источниками. Этот термин долго не получает конкретного этнического содержания. В качестве этнического имени он выступает лишь в позднее средневековье, или даже, вернее, в эпоху внедрения капитализма и национальной консолидации у крайних западных представителей тюркской системы речи—анатолийских турок. В средние века он все время фигурирует, как собирательное имя, нередко покрывающее отнюдь не тюркоязычные народности—в частности, мадьяр и монголов, и сохраняя, особенно у Махмуда Кашгарского специфический классовый оттенок⁷⁶.

Такова исторически устанавливаемая семантическая эволюция этого имени. От значения «возрастной класс молодежи» к значению «войско», «военный вождь», дальше — «племенная аристократия», «патрициат», «сюзерен», «верховный правитель», дальше—собирательное имя тех народов, у которых в эпоху раннего средневековья господствующая аристократия несла традиции этой общественной организации, вне зависимости от их этнической и языковой принадлежности, хотя и с отнесением преимущественно к народам с определенной системой речи, исторически сложившейся в рамках этих военно-политических организаций, и, наконец, на рубеже эпохи капитализма—национальное имя с сохранением и прежнего собирательного значения, но с точной лингвистической атрибуцией⁷⁷.

⁷⁵ В. В. Бартольд, Очерк истории туркменского народа. «Туркмения», 1, стр. 9—10.

⁷⁶ Mahmud al-Kašgarī, I, стр. 2—3, 30, 31. Характерно, что в другом месте Махмуд Кашгарский подчеркивает интересующую нас сторону семантической нагрузки слова *türk*, именно—*türk* в значении войска, ср. 1, 294, «Говорит бог великий и могущий: есть у меня войско, я назвал его *türk* и поселил его на востоке».

⁷⁷ Отметим, что Н. W a m b e r y (Die Primitive Cultur des türko-tatarischen Volkes, S. 51) и В. M u n k a c s i (Die Bedeutung des Namens der Türken, Cör. Cs. Arch. I, S. 62) связывают имя «*türk*» с «*töra*»—«быть рожденным», «существовать»; отсюда через закономерные вариации *törö* (анат., Падлов, 1556)—*törö* (алт., телеутск.) и *törü* (уйг., Падлов, 1253) образование *törük* ←→ *türük* → *türk* в значении «создание», «человек». J. N e m e t h (Zur Kenntnis der Petschenegen. Cör. Cs. Arch. 1, 3, стр. 220), категорически возражая против этой этимологии, связывает это имя с уйгурским (M ü l l e r, Uigurica, II) *türk*—«*Stärke*» и выдвигает гипотезу, согласно которой это имя было присвоено первоначально тому из тюркских племен, которому турки обязаны своим распространением, и является отражением «политической мощи» этого племени.

Как мы показали выше, семантика имени *türk* и, в частности, связь этого имени с уйг. *türk*—«могущество», «сила», «власть», имеет совсем иные исторические корни, восходя к эпохе, когда ни о какой «политической мощи» не может быть и речи. Németh, отдавая дань традициям шовинистической сравнительной лингвистики, встал на ошибочный путь, пытаясь связать с определенным племенем имя, которое, как мы видим, лишь на самых поздних этапах своей семантической эволюции получило конкретное этнографическое содержание.